

Metropoolia

Sest sina saad Kristuse
tunnistajaks kõigile inimestele
selles, mida sa oled näinud
ja kuulnud. (Ap. 22,15)

Me tunnistame armu,
kuulutame halastust,
ei varja beategusid.
(Suurest veepühitsuspalvest)

Pilhad kasupüüdmatud tervendajad Kosma ja Damjan. Fresko. Dečani klooster, Serbia. www.blagofund.org

*Te kasupüüdmatud imetegijad, tulge meie, haigete juurde.
Ilma olete teie saanud, ilma andke ka meile!*

Pealaul pühadele kasupüüdmatutele tervendajatele.

Oikumeeniline Patriarhaat on kuulutanud 1. novembri kõigi kasupüüdmatute tervendajate (arst-pühakute) mälestuspäevaks.

Kõrgestipühitsetud metropoliit Stefanuse kõne EAÕK Täiskogul 29. 09. 2021

Foto: Gennadi Baranov 2019

Pühitsetud valitsejad Tartu piiskop Eelija ning Pärnu ja Saare piiskop Aleksander, kallid vennad Kristuses preestrid ja diakonid, kallid skiiatülem ja nunnad Püha Eelkäija Skiiast Reomäelt Saaremaalt, auvärsed arhondid, meie kiriku külalised ja sõbrad!

Õnnistatud olgu tänane päev, mis lubab meil kohtuda vaatamata üleilmsele tervishoiukriisile, mille all me koroonatauti tõttu kannatame.

Praegune olukord paneb meid mõistma meie äärmist haprust nii üksikisikuna kui ka kollektiivina. On aeg jätta kõrvalle kergemeelsus, valed, kõrkus ning kõik see, mis panevad meid endid tundma kui „kõikvõimsad ja kõiketeadvad jumalad”, kes on ükskõiksed või võõrad vaimsete vajaduste suhtes, et saaksime ümber mõtestada seda, mis on meile eluliselt esmatähtis, et meie maakera jääks kestma, oleks ühtne ja kannaks endas heategusid.

See on võimalik üksnes juhul, kui asendame käesoleva kurja ja vägivalda nakkuse ühe teise nakkusega, mis on oh kui palju tervistavam, oh kui palju valgustloovam: see on pühaduse ja Jumala kohaloleku nakkus maailmas. Siin ei ole isegi küsimust, kas peaksime seda tegema, vaid kindlusega ütleme, et me teeme seda! See on selge, vaieldamatu ning lõplik kohustus, mille on meile pannud Issand ise: „Minge siis, tehke jüngriteks kõik rahvad, ristides neid Isa ja Poja ja Püha Vaimu nimesse ja õpetades neid pidama kõike, mida mina olen teil käskinud! Ja vaata, mina olen iga päev teie juures ajastu lõpuni” (Mt 28:19-20).

Me ei saa enam rahul olla sellega, et toetume oma tavapärasele loidusele, olgu siis tegemist kas sise- või välismisjoni küsimustega. Misjonitöö on olnud alati meie kirikus olulisel kohal. See ei ole lihtsalt midagi kasulikku või lahkete, vaid see on hädavajalik ja enne kõike muud kohustus, kui tahame olla oma õigeus tõeliselt järjekindlad. Kui me ei oota selle ülesande täitmist ei kiriku ega ka koguduse tasandil, siis reedame ühe oma pärimuse olulisima alustala.

Iga kord, kui meie, vaimulikud ja ilmi-
Ilkud, jääme ükskõikseks selle apostliku ülesande suhtes, mille on meile usaldanud Issand ise, oleme vastuolus omaenda kiriku olemusega. „Häda mulle,” kuulutab püha Paulus oma esimeses kirjas korintlastele, „kui ma evangeeliumi ei kuuluta” (9:16).

See ülesanne on kohustuslik igale kirikuliikmele ja tervele kirikule. Sellest keelduda tähendaks iseenda eitamist. Kristlane, kes on saanud Kristusega üheks ja kes elab Temas, ei saa mõelda, tunda, olla, käituda või näha maailma teistviisi kui Kristus.

Pandeemia algusest saadik kordan neid samu mõtteid ikka ja jälle, sest soovin olla kõigi siin kohalolijatega otsekohene ning teie kaudu olla otsekohene ka kõigi meie koguduste liikmetega, sest just teie esindate neid sellel täiskogul.

Ma kinnitan, et meie elu ainus mõte, Minimkonna olemasolu ainus vajadus on lubada Kristusel tulla ja ehitada oma koda igatühe sisse; ühine koda Jumalale ja inimestele, kuhu me kõik oleme kutsutud ning kuhu Jeesus ise tuleb meie pisaraid kuivatama.

See tõttu on kirik alati meie seas, et meie, Tema liikmed, oleksime võimelised end kohandama Issanda tahtele, kes meid käsib ja kes soovib meil käia Tema kõrval ning ankurdata end Kristuse külge. See puudutab kõiki inimesi, olenemata nende rahvuslikust päritolust või isiklikest või ühistest veendumusest. Vaatamata hirmudele, mida põhjustab igatühe meist see sama maailm, mille pinnal me astume, see maailm, mille pind kasvatab kibuvitsi ja ohakaid (1Ms 3,18), on meie ülesanne seletada kõigile, kes elavad ja hingavad, et Jeesus teeb kõik uueks (vrd Ilm 21:5). Ta alistas selle maailma vürsti, Ta purustas põrguahelad, Ta murdis oma ülestõusmisega surma väe.

Just seetõttu on vähemalt üks tegevus, mida iga kogudus peab hoidma ja arendama – see on katehees ehk usuõpetus. Katehees kui elav traditsioon „kristliku kogukonna teenistuses, et aidata süvendada usku igapäeva elus”. Elav katehees, mis ei ole pinnapealne, vaid kirglik ja loov ning mis kasvab Püha Vaimu väel.

„Kuninglik värav,” millest Püha Vaim iga kord läbi läheb, kui Ta soovib tervele maailmale pakkuda uut nelipüha, evangeeliumi, seda Kristuse head

sõnumit maailma päästest, uueneb igal hetkel ja ootab, et me tunnistaksime ja kuulutaksime Jeesust nõnda nagu apostlite ajal, sama rõõmu, veendumuse, innukuse ja kindlusega. See on ülim väljakutse, millega Jumal on meid riietanud Tema kuningriigi suurimaks hiilguseks.

Vennad ja õed, lõikust on palju, aga töötajaid vähe. Ometi on Kõigevägevam Jumal meiega; ärgem laskem käsi rüppe!...

† Stefanus,
Tallinna ja kogu Eesti metropoliit

Fotod: isa Ardalion Keskkülla

Kõrgestipühitsetud Tallinna ja kogu Eesti metropoliit, Meie Tagasihoidlikkuse armas vend ja kaasteenija Pühas Vaimus isand Stefanus, pühitsetud piiskopid, kes teda ümbritsevad, auväärased munkpreestrid, preestrid, iga astme vaimulikud ja kirikuteenrid ja kõik aulised koguduste esindajad, kes te võtate osa üleilmse Istme alla kuuluvast autonoomse Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku täiskogust – olgu arm ja rahu teie kõigiga Jumal Isalt, meie Issandalt Jeesuselt Kristuselt ja kõige pühalt ning elavakstegevalt Vaimult, samuti meie patriarhlik õnnistus, õnnesoovid ja patukustutus.

Jumala abiga toimub käesoleva aasta 29. septembril iga-aastane püha Eesti Apostlik-Õigeusu Kiriku täiskogu. Tunnustame Teie Kõrgestipühitsetust selle traditsiooni jätkamise eest, mis imekspeandavas üksmeeles otsib lahendusi jooksvatele halduslikele ja hingekarjaslikele küsimustele. Te võtate vastu olulisi otsuseid kiriku lähetusülesande täitmiseks ja päevakohaseks tunnustuseandmiseks. Me soovime kogu hingest käesoleva täiskogu töö õnnestumist ja viljakat lõpulejõudmist. Säärased kokkusaamised on kirikuelu kulgemisele alati innustuse ja lootuse allikaks.

Tänavune Eesti kiriku täiskogu toimub iseäralistes tingimustes, sest maailmas möllab pärgviiruse Covid-19 taud, mis juba läinud aasta veebruarist inimkon-

Pühima patriarh Bartolomeuse läkitus EAÕK Täiskogule

da vaevab. Kogu selle aja jooksul oleme jälginud tervishoiukriisi arengut ja selle mõju ühiskonnale, majandusele ja kirikuelule ning pidanud neis asjus ühendust oma vendade ülemkarjastega üle ilma.

Me palvetame lahkunute hingede eest, palume ülevallt kinnitust haigetele ja nende perekondadele, jõudu arstidele ja õdedele nende enastohverdavas töös, samuti teadlaste eest, kes näevad vaeva, et luua ja parandada kaitsesüste ja arstirohtusid selle tapva viiruse vastu. Me kinnitame hädas vendi ning pöördume kõigi poole ametlike teadaannete ja kirjasekirjadega, rõhutades muuseas seda, et inimlikkuse mõttes on väga oluline varustada ka majanduslikult nõrgemaid rahvaid piisava hulga vaktsiinidega.

Me oleme korduvalt teada andnud, Meie kaitseabinõud, mida asjatundjad soovivad ja mida riigivõimud kehtestavad, ei puuduta meie usku ega pärimusi. On ilmne, et need ei ole suunatud meile kui usklikele, vaid kui inimestele, kes „lihas kõnnivad ja maailmas elavad” ja keda see kardetav üleilmne taud ohustab.

Emakirik jääb kõikumatuks oma õpetuses jumaliku armulaua suure salasuse olemuse kohta. Mis puudutab kõige puhtamate salasuste jagamise viisi usklikele, siis ei leia me vajadust kuidagi sekkuda, eriti mitte väliste asjaolude survele. Kui kohalike võimude otsused tekitavad kuskil probleeme, siis me soovime, et kiireloomulised hingekarjaslikud küsimused lahendataks arukalt, ülima lugupidamisega pühade isade pärimuse vastu ja kooskõlas meie püha keskusega. Me õnnitleme Teid, püha vend, selle eest, et olete osanud selles olukorras kohalikus kirikus tegutseda hingekarjaslikul moel, lugupidamisega õigeusu pärimuse ja iga uskliku isiku vastu, rakendades mõistlikult tervishoiuabinõusid ja kasutades edukalt tänapäeva teabevahendeid.

Me hindame kõrgelt ka teie vaimulike panust selles olukorras ja nende enastohverdavat teenimistööd. Sellised ohverdused näitavad elavalt, et Kõigekõrgema preester ei kuulu iseendale, vaid Kristusele ja kirikule. Ta on tulihingeline inimene, kes on tundlik Jumala armastatud inimese vabadusest tulenevate kannatuste ja saatusekäänakute suhtes. Kaasinimese teenimine on oma hinge andmine tema eest.

Tervishoiukriisi ajal on saanud selgeks isikliku abistamise, omakasupüüdmatu armastuse ja helduse väärtus. Haige inimene ei ole mingi isiksusetu üksus, mingi nimetu „juhtum”, vaid ainuline, püha isiksus. Samas on üleilmse taudi tagajärjed ühiskonnas ja majanduses toonud ilmsiks ka kiriku kuulutatava armastuse ja lootuse sõnumi tähtsuse. Majanduslikud ja ühiskondlikud mured viivad inimese ligemale oma olemasolu kesksete küsimuste tajumisele. On selge, et „arutu rikka mehe” tähendamissõna „suuremad aidad” pole lahendus raskustes, mis tohutut hulka inimesi vaevavad. Ristiusk, mis rõhutab Jumala kuju inimeses ja talle määratud igavest elu, kinnitab ka lugupidamise vajadust inimese vastu. Kirik on ühismeele ja ühtekuuluvuskultuuri kehastus. Üldse on õigeusu pärimuses edasiantavad väärtused ikka olnud ja on nüüdki otsekui pais, mis seisab vastu püüetele kahandada inimisiksuse pühadust. Olemasolu suurte küsimustega silmitsi seismine nõuab vaimulikkust lähenemist.

Usk on vabadus. See tähendab inimese ühise sõna Jumala kutsele, mis avaldub meie olemise pidevas kirikustumises Koguduse salasuses ja pühades talitustes ning tunnustuses meie lootuse kohta. Usk Kristusesse pole ajaloo vaenlane, vaid seda ümbermuutev jõud. See on teenimise ja vennalikkuse, loovate algatuste ja kannatava kaasinimese aitamise allikas. See on vastus tänapäeva lõputute isekate

nõudmistele, eneseteostuse ja ohvrimeele unustamise „ebakultuurile”.

Teie, Tallinna ja kogu Eesti metropoliit isand Stefanus, olete teinud au Jumala kutsele ja näidanud end Tema ja ligimese väsimatu teenijana. Te olete võidelnud evangeeliumi kuulutamise eest uutest oludest, andmaks head kristlikku tunnistust keset tänapäeva kultuuri. Oma 22 karjaseaasta jooksul Eestis olete Te pööranud lakkamatult tähelepanu ülevallt Teie hoolde usaldatud vaimuliku karja ülesehitamisele Kristuses ning kirikuasjade heale toimimisele. Me õnnistame Teie algatust asutada Setumaale meesklooster ja laiemalt Teie püüdeid tuua esile õigeusu munkluse tunnistust tänapäeval. Munklus ja tänusalasus on, nagu on tabavalt öeldud, kaks „eshatoloogilist antikeha”, mis hoiavad õigeusu kirikut ilmalikustumise ohtude eest. Kõik see väljendab Teie pühendumist Konstantinoopoli Emakirikule, kes teenib pühas kutsumuses, järgides täielikus ustavuses Koguduse õpetuslikku ja seadusandlikku pärimust ning on uinumatu valvel meie kaasaja väljakutsete suhtes.

Viimaks anname Teie armsale Kõrgestipühitsetule, pühitsetud piiskoppidele, teie aulisele vaimulikkonnale ja vaa gale jumalarahvale Emakirikule õnnistuse. Me oleme kindlad, et teie korraline täiskogu möödub Kristuse rõõmus ning kutsume teid kõiki üles ühinema oma palvetes Issanda poole oma raskustes viibivate vendade-õdede eest ja selle eest, et praegune üleilmne taud kiiresti lõppeks. Me soovime kogu õilsale eesti rahvale edenemist ja õitsengut ning kutsume teie kõikide peale, kallid vennad ja õnnistatud lapsed, meie vanemate Jumala („kes on armastus ja keda selleks kutsutakse”) armu ja heldust.

† Konstantinoopoli patriarh
Bartolomeus,
armastav vend Kristuses.
20. septembril 2021

Patriarhi kõne Kiievi akadeemias

Pühim oikumeeniline patriarh Bartolomeus sai 22. augustil Ukraina rahvusülikooli ehk Kiievi Mohõla akadeemia audoktoriks. Patriarh pidas sel puhul kõne, milles tänas ülikooli juhtkonda ja omistas talle osaks saanud au kogu oikumeenilisele patriarhaadile, kes on ajanud dialoogi, ühtsuse, loodushoiu ja rahu asja. Võtame järgnevalt patriarhi kõne kokku.

Kreeta 2016. aastal toimunud suure üldõigeusu kirikukogu lõppdokumendi §17 kõlas üleskutse, et „usu õli peab pehmen-dama ja parandama haavu, mitte süütama uut vihatuld”. Justnimelt sellest lähtudes kuulutas patriarhaat 2018. aastal välja Ukraina õigeusu kiriku autokefaalia (täie iseseisvuse), sest kolmeks lõhenenud kirik sel maal oli haav, mis ei saanud jätta ükskõikseks õigeusu maailma. Ülejäänud õigeusu kehandist seni eraldatud ukraina usklikud toodi jälle osadusse. See samm astuti pärast pikka kaalumist ning Ukraina kirikute ja riigivõimude korduvaid palveid. Probleem oleks aga võinud olemata olla, kui Moskva patriarhaat oleks 1991. aastal, pärast Ukraina iseseisvumist, teinud selles asjas koostööd Konstantinoopoliiga. Ukraina kirikule autokefaalse seisuse andmine oli Emakiriku kohustus ja keegi ei või öelda, et kadunud lammaste karja

tagasi toomine teeniks mingit poliitilist eesmärki. Praegu saame näha, kuidas Ukraina kirik metropoliit Epifaani juhtimise all kasvab ja kosub. Ukraina kirikule iseseisvuse andmine polnud õige mitte üksnes kanooniliselt, vaid see oli ka probleemi ainus realistlik lahendus. Igasugused lõputud arutelud ja kohtumised sel teemal ei vii kuhugi. Kui mõni kirik katkestab aga armulauaosaduse oikumeenilise patriarhaadiga, löikab ta end õigeusu kiriku tüvest lahti. Õpetust kirikust ei tohi moonutada mingitel alatutel motiividel.

Teine näide selle kohta, kuidas oikumeeniline patriarhaat püüab parandada lõhenemist, on pürgimus taastada inimese ja looduse rikutud kooskõla. Me ei saa vaadata maailmale kahe pilguga: usulise ja ilmaliku pilguga. Me ei saa lahutada inimväärikuse ja õigluse püüdeid püüetest looduse hoidmise ja keskkonna jätkusuutlikkuse poole. Me hindame iga üksikisikut, kes on loodud Jumala näo järgi, ja hindame ka iga osakes Jumala loodud maailmast. Seepärast pühendas eelmine patriarh Dimitri 1. septembri, kirikuaasta alguse päeva, loodushoiu eest palvetamise päevaks. Kreeta kirikukogul öeldi, et ökokriisi juured on vaimulikud ja eetilised, need peituvad iga inimese südames. Õigeusu kristlaste keskkonnakaitseiline vaade põhineb pühakirjal („Jumal vaataskõike, mis ta oli teinud ja vaata, see oli väga hea”, 1Ms 1:31) ning Nikaia-Konstantinoopoli usutunnistusel, milles

kuulutatakse usku „taeva ja maa, nähtava ja nähtamatu Loojasse”. Õigeusu jumalateenistused rõhutavad samuti isiklikku ja kosmist kirgastumist, ümbermuutmist. Eriti selgelt toob selle välja Issanda muutmise püha, mis kuulutab inimeste ja kogu loodu kirgastumist jumalariigis. Praegune kriis puudutab meie maailmanägemust. Me pilastame maakera, nägemata selles ülevalt saadud kingitust, mille peab ka tulevaste põlvkondadele edasi andma. Õigeusu kiriku huvi keskkonnaküsimuste vastu ei ole vaid vastus üleilmsele ökokriisile. Viimane on andnud lihtsalt kirikule võimaluse väljendada oma loodushoidlikke põhimõtteid, lugupidamist loodu vastu ning ülistust, mida selle eest kõige Loojale tuakse.

Viimaks usu ja maailmarahu teema puutepunktidest. Paraku on usuline fundamentalism ja religiooni nimel toime pandud vägivaldteod andnud ainst tänapäevasele usukriitikale ning religiooni seostamisele vaid selle ajalike ja ebatäiuslike külgedega. Tegelikult aga vastandub vägivald usulistele aluspõhimõtetele. Tõeline usk austab inimväärikust ja kutsub üles võitlema õigluse ja rahu eest. Näiteks Vahemere maades on juudid, kristlased ja muslimid aastasadu küllaltki rahumeelselt kõrvuti elanud. See näitab, et eri usku inimesed võivad koos elada, püüeldes usust innustatuna mitte lahutatuse ja viha, vaid dialoogi, rahu ja inimsoo ühtsuse poole. Usunditevaheline dialoog ei tähenda oma usu

salgamist, vaid oma suhtumise muutmist teise inimesse. Avatus teisega ei tähenda oma identiteedi kadumist; vastupidi, see süvendab ja rikastab iseendast aru saamist. Ainult tahtliku ja avatud dialoogiga võime vabaneda hirmudest ja eelarvamustest oma kaasvendade suhtes. Tõeline usk avar-dab vaimu, laseb armastuse väel toimida ja murrab kuiva enesekesksuse kütkeid.

Kokkuvõtteks ütles Konstantinoopoli ülemkarjane veel järgmist: Et kristlik tunnistus oleks tänapäeval usutav, peame pühendumis rahu ja ühtsuse otsimisele ning keskkonnakaitsele, samuti dialoogile ja leppimisele. Need pole mitte üksnes rahuliku koosolu, vaid koguni inimkonna ellujäämise eeltingimused. Meie kaasaja suuri muresid ei lahenda üksnes teadus ja tehnika, üksnes ametnikud ja majandustegelased. Nemad võivad pakkuda vaid ajutisi lahendusi. Kõigi nende muredega peame silmitsi seisma üheskoos. Ükski rahvas, riik, religioon ega kultuur suuda nendega üksi toime tulla. Praegune üleilmne taud on meile karmilt meelde tuletanud nii meie piiratust kui ka kokkukuuluvust. Nüüdsed kriisid on loonud võimalused dialoogiks ja koostööks, avatuseks ja usalduseks. Nagu psalmides on öeldud: „Vaata, kui hea ja armas on see, kui vennad üheskoos elavad” (Ps 133:1). Ühtsus on Jumala õnnistus ja meie eesmärk, sest me oleme „Jumala sugu” (Ap 17:29).

Fos Fanariou, 7. september 2021

Preestrikutsumus on mulle kaasa sündinud

Eluloosutlus metropoliit Stefanusega

Vestelnud Tiina Niitvägi-Hellamaa

2. osa. Ülikooliaastad

Algus Metropoolias 2021, nr 93

1959. aasta kevadel saite Bukavu jesuiitide koolist (Collège Notre Dame de la Victoire) keskkooli lõputunnistuse ja otsustasite jätkata õpinguid Euroopas. Mis sai edasi?

18-aastane Christakis Charalambides koos koolikaaslastega Bukavus 1959. aastal.

Kooli jalgpallivõistkond 1959. aastal. Christakis on esireas paremalt esimene.

Kuna ma ei olnud oma vaimulikukutsu-muses veel selgusele jõudnud, aga tahtsin teenida inimesi, otsustasin valida arsti elukutse. Alguses läksingi Belgiasse Leuveni katoliku ülikooli, et õppida arstiteadust. Jesuiidi paatrid olid selle õppimamineku minu eest ära korraldanud – nad olid veendunud, et minust saab jesuiit. Lihtsalt nende töömeetodid on natuke teistsugused, nad valmistavad väga rahulikult pinnast ette. Leuvenis oli ka kuulud seminar.

Niisiis jõudsin Leuvenisse ja hakkasin otsima kohalikku õigeusu preestrit. Küsisin jesuiitidelt, aga nemad ei teadnud ühtegi õigeusu

preestrit. Mida teha? Olin korteris ühe perekonna juures ja igal pühapäeval käisin lähedalasavas itaalia restoranis lõunat söömas ning olin sõbrunenud ühe sealse ettekandjaga. Olime umbes kuu aega tuttavad, kui küsisin temalt, kas kuskil võiks olla õigeusu kirik. Ja tema vastas: „Jah, jaama lähedal on üks. Muretsen sulle aadressi.” Ja tõigi mulle aadressi. Tegemist oli teise korruse korteriga. Läksin kohale ja seal pidas teenistusi üks noor kreeka üliõpilasest preester – isa Maximos. Hiljem sai temast väga tähtis persoon, nüüdseks on ta juba surnud.

Ja see muutis kõik. Leuvenis õppis toona kaks õigeusu üliõpilast, kes tegid seal oma doktorikraadi, isa Maximos ja üks hilisem Thessaloniki ülikooli liturgika õppejõud. Esimest korda kohtasin ma inimesi, kes olid võimelised mulle vastama. Olin endalt kogu selle aja küsinud, mis minust saab, ja ise mõtlesin endamisi: „Isa on mulle midagi andnud, mu pere on mulle midagi andnud, kuidas ma saan õigeusust lihtsalt niimoodi ära minna, et ma isegi ei tea, kust ma ära lähen? Ma pean teada saama.” Ja ime sündis: ma kohtusin Maximosega, rääkisin talle, et õpin arstiteaduskonnas, aga arsti minust ei

saa. „Kuidas nii?” küsib tema. Selleks ajaks olin jõudnud juba otsustamise faasi. Tema pärib, et mida ma siis seal arstiteaduskonnas teen. Mina seletasin talle: „Olen seal sellepärast, et ma ei ole saanud teada seda, mida ma tahan teada saada: miks ma olen õigeusklik? Sest kui minust saab preester, siis kas katoliku või õigeusu preester? Ma pean otsustama.” „Mida siis teha?” küsib tema ja mina ütlen: „Teeme nii, et mina esitan sulle küsimusi, sina vastad, mina teen märkmeid. Kui sa üritad mind petta, siis oled minust ilma. Sa ei näe mind enam. Niikaua, kui sa hoiad ausat joont, võid mi-

nuga arvestada." Seejärel läksin jesuiitide juurde, kes minuga tegelesid, ja ütlesin neile täpselt sama: „Ma küsin teilt asju, te vastate, mina märgin vastused üles ja siis ma mõtlen järele." Seda ma ka tegin. Niisiis esitasin nii ühele kui ka teistele kõik enda jaoks olulised küsimused ja panin vastused kirja. Seejärel läksin oma tupp, võrdlesin vastuseid ja mõtlesin järele.

Mis laadi küsimused need olid?

Paavsti esimuse küsimus, neitsi Maarja pärispatuta saamine, puhastustuli – seda laadi asju. Võib öelda, et niiviisi ma tegelikult õppisin päris palju teoloogiat, kirikukorralduse, kõige kohta. Ja vähehaaval sain aru, et seal, kus ma olen, on mul väga hea. Arstiõpingutele ma samal ajal mõis-tagi erilist rõhku ei pannud. Kui esimene akadeemiline aasta läbi sai, olin otsusele jõudnud ja kirjutasin koju. Kõigile oma pereliikmetele eraldi. Alustasin sellest, et kirjutasin isale. Võib öelda, et kiri isale jäigi viimaseks enne tema kadumajäämist. Samal ajal pidi isa Maximos minema Pariisi kedagi asendama. Ta ütles, et on kaks kohta, kus saab õppida õigeusu teoloogiat: Halki [*Halki teoloogiline kool Türgis, Halki saarel. Toim.*] ja St Serge [*Püha Sergei õigeusu teoloogia instituut Pariisis. Toim.*]. Pariis oli alati olnud mu unistus ja nii ta siis läks, kostis minu eest St Serge'is ja seal õeldi, et ma võin tulla.

Kuidas suhtusid sellesse jesuiidid?

Jesuiidid suhtusid sellesse väga mõistvalt, mitmeka jäin veel pikaks ajaks edasi suhtlema. Näiteks isa Vivex'iga, kes oli Aafrikas ja kellest sai hiljem jesuiitide ülem. Hiljem saime jesuiitidelt isegi ühe kiriku.

Niisiis ma kirjutasin isale, isa vastas mulle. Isal oli ju lapsepõlvest väga hea vaimulike ringkondade kogemus. Ta ütles: „Ma saan väga hästi aru, et see on su kutsumus, aga see, mis kogudustes toimub, ei pruugi alati olla kuigi meeliülendav. Ole ettevaatlik ja mõtle hästi järele."

Kas te olite isale varem oma vaimuliku kutsumusest rääkinud?

Ei, aga ta oli sellest teadlik, see paistis kõigest välja. Kui olin kuueaastane, mängisin kodus kirikut. Olin näinud seda preestrit, kes kord aastaks käis, ja tegin teda järele. Isa teadis, lihtsalt hoiatas, et asjad ei ole nii roosilised, kui ma arvan. Kui sain isalt vastuse, kirjutasin emale. Emal leidis, et see on kohutav, tema oli vastu. „Ei tule kõne allagi." Samasugune oli ka õe reaktsioon. Aga mu agnostikust vend vastas: „Vana, see on su kutsumus, lase käia." Niisugune ta lihtsalt on.

Siis saatsin isale telegrammi ja ütlesin: „Isa, ma tahan minna St Serge'i ja mul on või-

malus saada preestriks, aga ma tahan sinu õnnistust." Kui ta ei oleks mulle oma õnnistust andnud, ei oleks ma St Serge'i astunud. Ma ei saanud sellist otsust vastu võtta ilma isa õnnistusega. Isa saatis mulle telegrammiga oma õnnistuse ja minust sai St Serge'i üliõpilane. Nii see kõik algas, ja kui mind 1963. aasta 6. jaanuaril diakoniks pühitseti, muutis ka ema täielikult oma suhtumist.

Mainisite oma isa kadunuks jäämist. 1960. aastal pärast Belgia Kongo iseseisvumist puhkes nn Kongo kriis, mis kestis 1965. aastani. Mis sai teie perekonnast?

Kui ma 18-aastaselt Kongost ära sõitsin, jäi ema kuni iseseisvumiseni veel Kongosse. Kui puhkes mäss ja algasid kokkupõrked musta- ja valgenahaliste vahel, evakueeriti naised ja lapsed. See oli kohutav aeg. Valgeid naisi ja lapsi tapeti ja seega ei olnud muud võimalust, kui et nad pidid maalt lahkuma. Emal saabus koos õe ja vennaga Brüsselisse, mina olin siis juba Pariisis. Kõigepealt läksid nad üldse Küprosele ja alles sealt Brüsselisse. Küprosel oli ema väga vapper – töötas kaks aastat bussis ukseavajana. Bussid olid sellised, et ust pidi käsitsi lahti tegema ja kinni panema. Ometigi oli ema väga haritud naine, aga lihtsalt ei olnud muud tööd. Pärast tulid nad Belgiasse, seal sai ta kohasemat tööd ja hiljem kolisid nad koos mu õe ja vennaga juba Pariisi, kui olin seal emale tööd leidnud.

Pärast ema ja õe-venna evakueerimist jäi isa üksi Kongosse. Vaatamata kodusõjale käis ta ikkagi metsas kohalike toiduaineid kokku ostmas. Ja siis jäi isa kadunuks, sest kõik sillad hävitati ja ta ei pääsenud enam linna tagasi. Esimese kirja oma isalt pärast tema kadumist sain ma jõuludeks 1968. Isa oli seitse aastat metsas. Muidugi mitte päris üksi, vaid koos kohalikega. Tema jaoks otseselt mingit ohtu polnud, kuna temast peeti lugu, aga ta jäi sinna eraldatuna teistest valgetest. Isa elas oma autos, hankis toitu; ta tundis metsa ja kohalikke olusid, toitus sellest, mida ta leidis. Võib öelda, et ta oli tõesti kõigest ära lõigatud kuni selleni, et tal polnud isegi kellegagi rääkida, ja kui lõpuks sillad taastati ja ta linna naasis, arvasid inimesed, et näevad kodukäijat.

Me kasutasime kõiki võimalusi, et isa leida: pöördusime Punase Risti poole ja ma sain sealt 1967. aastal isegi vastuse, milles öeldi, et mu isa on surnud, sest tema jälgi ei suudetud leida. Ma oleksin pidanud seda muidugi emale ütlema, aga ma ei suutnud. Ütlesin lihtsalt, et pole mingeid teateid saanud, kuna ma ei uskunud, et isa võiks olla surnud. 1968. aastal jõululaupäeval saabus postiljon tähtkirjaga. Kohe, kui ma seda kirja nägin, sain aru, et see on isalt. Ma läksin oma metropoliidi juurde, kes elas ülemisel korrusel, kallistasin teda ja puhkesin nutma. Ta küsis, mis lahti. Ütlesin: „Mu isa

elab." Tegin kirja lahti. See oli kümne lehekülje pikkune ja algas sõnadega: „Mu poeg, ma olen elus". Siis ta jutustas, mis temaga oli juhtunud. Läksin kohe ema juurde, kes oli toona Pariisis vanadekodu juhataja. Pidin teda selleks uudiseks natuke ette valmistama, sest kartsin, et ta saab šoki. Ja siis ütlesin: „Loe!". Ta tegi kirja lahti ja tundis kohe ära oma abikaasa käekirja.

Viimati olin isale kirjutanud 1960. aastal, kui läksin Pariisi õppima. Nüüd kirjutasin talle uuesti. Loomulikult ei osanud ma arvata, et isa võiks tulla elama Prantsusmaale, aga varsti tekkis tal tõsine terviseprobleem, ta elu oli ohus ja kohapeal ei olnud võimalik midagi ette võtta. Isa evakueeriti Pariisi. Võib öelda, et tegelikult nägin ma oma isa pärast keskkooli lõpetamist esimest korda uuesti, kui olin sisuliselt 30-aastane. Minu jaoks oli see isast eemalolek väga ränk, eriti suurt puudust tundsin sellest, et isa ei näinud, kuidas ma sirgusin. Ma läksin kodust ära noore poisina ja seda aega, kui minust mees sai, isa kogeda ei saanud. Pärast ta jäigi Pariisi ja suri Pariisis.

Teid pühitseti diakoniks 1963. aastal 22-aastasena. Kas on tavaline, et juba teisel õppeaastal pühitsetakse üliõpilane diakoniks?

St Serge'i minnes teadsin juba, et soovin saada vaimulikuks. Seal oli selline traditsioon, et neljanda aasta üliõpilastest üks pühitsetakse diakoniks seminari [*St Saint-Serge'i teoloogia kooli. Toim.*] jaoks, sest koolis olid preestrid, aga preestritel ja piiskopil oli vaja diakonit. Seega traditsiooniliselt pühitseti üks õpilastest, kellel oli vaimuliku kutsumus, seminari diakoniks. Aastal, mil mind diakoniks pühitseti, ei leidunud ei neljandal ega ka kolmandal kursusel ühtegi soovijat. Nii jõuti minuni, sest piiskop Kassin, kes mind diakoniks pühitses, teadis, et tahan saada preestriks, et ma polnud tulnud St Serge'i ainult teoloogiat õppima. Olin seda algusest saadik öelnud. Niisiis pöördus ta nüüd minu poole. Ütlesin: „Valitseja, mind pole õigust diakoniks pühitseda, kuna ma pole veel kanooniliselt selles eas." Kanooniline iga on 25 aastat, mina polnud veel 23-aastane. Ta vastas: „Kaanonid on kaanonid ja piiskop on piiskop: piiskop otsustab." Nii pühitseti mind õpingute ajaks St Serge'i teoloogiakooli diakoniks.

Kas see lisas teile teistega võrreldes täiendavaid kohustusi?

Eelkõige lisas see konkurentsi kreeka peapiiskopkonna metropoliidi ja vene peapiiskopkonna suhetesse. Pariisis oli vene peapiiskopkond, mis sõltus Konstantinopolist: vene pagulaskirik. St Serge oli osa selle struktuurist. St Serge'i õppejõud tahtsid, et minust saaks õppejõud – St Serge

tahtis mind endale jätta, aga kreeka metropoliit Meleeti ütles: „Ei. Mul endal on teda vaja." Kõigi pilgud olid minu peal. Arvan, et eks nad vaadanud teisi ka, aga saan rääkida vaid enda eest. Igal juhul oli see kohutav.

Üsna pea pärast Pariisi õppima asumist läksin metropoliit Meleeti juurde ja ütlesin, et tahan saada preestriks. „Mis mõttes tahad saada preestriks? Sa ei teagi, mida see tähendab. Sa tahad võimatut." Selline oli minu esimene kokkupuude temaga. Metropoliidi töölaual oli risti kandva Kristuse kuju. Ta ütles: „Näed seda Kristust? Sinu elu tuleb samasugune." Vihastasin. Olin oodanud, et ta ütleb mulle „Braavo, suurepärane!" Marssisin kabinetist välja ja mõtlesin, et ei taha teda enam kunagi näha. Läksin tagasi St Serge'i.

Teised kreeka üliõpilased, neid oli toona palju, käisid igal pühapäeval kreeka katedraalis liturgial. Mina ei käinud ja metropoliit oli teistelt küsinud, et mis selle poisiga lahti on. Ta oli piisavalt arukas, et mõista, et ma olin väga vihane.

Olin toona äärmiselt vaene. Mul ei olnud üldse raha, kuna ma ei saanud vanematelt mingit abi, neil polnud võimalust mind aidata ja mu stipendium oli 30 Prantsuse franki. Kui olin ära ostnud kõige hädavajalikuma, ei jäänud mul sellest enam midagi järele. Seega elasin ainult sellest söögist, mida koolis üliõpilastele pakuti. Mu kingad olid täiesti auklikud ja kui vihma sadas, panin papitükid kingadesse, et jalad läbimärjaks ei saaks. Lihtsalt oli selline aeg. Ja siis saatis Meleeti jõuluks kõigile St Serge'i üliõpilastele 50 franki. Ma sain, nagu teisedki, selle raha ja mõtlesin: „See pole võimalik! See piiskop ütles mulle nii halvasti, et ma ei taha teda nähagi, aga tema saadab mulle raha, nagu kõigile teistele. Huvitav, miks ta seda teeb?" Mõtlesin järele ja sain aru, et ta tahab mulle õpetust anda. Ma olin öelnud, et tahan saada preestriks, et ma ei abiellu, ja kui selliseid asju öeldakse 21-aastaselt, on piiskopil põhjust kahelda, kas see on ikka tõsiseltvõetav jutt. Ja ma sain aru, et ta käitus väga pedagoogiliselt. Läksin siis ja ostsin endale paari kingi, seejärel läksin teda vaatama ja palusin temalt vabandust.

Mulle meenub üks naljakas episood ajast, mil olin St Serge'is diakon. Paasaliturgial võeti seminaris kasutusele hiiglasuur, 5-liitrine karikas, mis oli veini täis, ja evangeelium kaalus samuti ligi 20 kilo. Mina ei suutnud 20 kilost evangeeliumit üles tõsta ja hoida. Selle jaoks oleks olnud vaja mõnda meeter kaheksakümnest diakonit. Ütlesin, et ei jaksa seda evangeeliumit üles tõsta, sellest tuli kohutav skandaal, ent lõpuks nad said aru, et ma tõepoolest ei jaksa. Aga karikas tuli tühjaks juua. Liturgia lõppes, kõik preestrid läksid

ära ja mina olin ainuke diakon. Kiriku all oli söögisaal, kõik läksid sinna ja mulle öeldi, et joo karikas tühjaks. Liturgia lõppes umbes kell 4 hommikul, ma istusin proskomiidia ette tooli peale ja hakkasin karikat tühjaks jooma. See võttis kaks tundi ja pärast seda ei teadnud ma enam isegi seda, kus on välisuks. Olin nii purjus, et ei saanud enam kirikust välja. Seda vahejuhtumit ma tõesti mäletan.

Igal juhul St Serge'is tahtsid venelased, et minust saaks õppejõud ja metropoliit tahtis, et jääksin tema juurde. Mina tahtsin minna Patmosele ja hakata mungaks. Metropoliit ütles mulle: „Kui sa otsustad ära minna, siis ära loodagi, et sa enam tagasi saad tulla. Ma ei võta sind tagasi. Kirik ei ole koht, kus igauks võib ringi reisida oma tahtmist mööda. Kuskil tuleb oma juured mulda ajada ja sinna ka püsima jääda. Seal siis kogetaksegi kõike, mitte ei tehta seda igal pool ja mitte kuskil.” Lõpuks otsustasin ikkagi jääda Kreeka peapiiskopkonda, aga diakoniks pühitses mind piiskop Kassian St Serge'is ja ma teenisin seal diakonina päevani, mil Meleeti ütles mulle: „Nüüd tuled peapiiskopkonda, sest mul on sind seal vaja.”

Kas te olite selleks ajaks oma õpingud St Serge'is juba lõpetanud?

Ei, veel mitte, olin siis neljanda kursuse tudeng, aga metropoliit Meleeti oli väga nõudlik ja ütles: „Õpingutega on nüüd lõpp. Mul on sind diakonina katedraalis vaja.” Vastu vaidlemine ei tulnud kõne allagi, ma kuuletusin. Ta keelas mul St Serge'is loengutes käia. St Serge reageeris sellele väga valuliselt. Kaks aastat ei lasknud metropoliit mul seal praktiliselt midagi teha ja kahe aasta möödudes teatas ta mulle: „Ma annan sulle ühe kuu, et saaksid kõik oma eksamid ära teha.” Nii ma tegini 18 eksamit ühe kuuga ja sain oma diplomi kätte. Aga need 18 eksamit ühe kuuga ajasid mind peaaegu hulluks. Ma ei suudaks enam iial midagi sellist korda saata. Mulle meenub Jevdokimovi lääne kiriku ajaloo eksam. 2000 lehekülge ühe ööga. Ja siis eksamile. Loomulikult ei saanud juttugi olla üksikasjadest, aga mul

oli vähemalt peatükkide jaotus meeles. Ta küsis minult mingi keerulise küsimuse, loomulikult ma ei osanud vastata. „Austatud professor, lubage mul enne vastamist anda teile ülevaade ajastust, mille raames see sündmus toimus.” Seda ma oskasin. Hakkasin pihta ja tema ütles: „Stopp. Ülikooli tasemel eksam, maksimumpunktid.” Nii see algas. Ja kui ülejäänud õppejõud nägid, et Jevdokimov oli mulle sellise hinde pannud, siis nad tundsid, et on kohustatud mulle vähemalt sama hea hinde panema ja nii sain oma eksamid tehtud. Seal oli näiteks isa Boris Bobrinskoi, kes on nüüd surnud. Kuna üks õppejõud luges mitmeid eri aineid, olin talle varem eksamit andnud. Läksin tema juurde ja ta ütles mulle: „Keskpärase.” Mina ütlesin: „Ei tule kõne allagi, väga hea.” Tema vastus: „Mis mõttes väga hea?” Ja mina: „Võtke mu õpinguraamat ja vaadake, see eksam, mille teile täna andsin, on juba tehtud hindele „väga hea”.“ Tema vaatas ja pidi tunnistama, et jah, tõesti väga hea, ja pani uuesti „väga hea”. Lõpuks jõudis kätte Vene kiriku ajaloo eksam ja sellest ei teadnud ma tõesti mitte midagi. Olin pealegi omadega täiesti läbi. Õppejõud küsib mult esimese küsimuse ja mina vastan: „Aga teie, professor? Kuidas teie sellele vastaksite?” Tema vastab, siis järgmine küsimus, täpselt sama lugu. Ja kolmas küsimus. Jälle sama. Ja siis ta küsib minult: „Kuulge, kas mina annan eksamit või teie?” Vastan talle: „Teate, tegelikult muidugi mina, aga hetkel ei tea ma tõesti mitte midagi, olen nii kohutavalt väsinud”. – „Miks siis?” – Ja ma vastan, et vaadake mu õpinguraamatut. „Olgu, panen teile siis hea hinde, kuna tegelikult olite ju hea üliõpilane.” Lõpuks jäi veel üks õppejõud, Lev Zander, kuulus filosoof. Tema loosung oli: „Ükski üliõpilane ei saa minuga spikerdada. Kui mõni üliõpilane suudab tõestada, et on mu ära petnud, panen talle maksimumhinde”. Ma tegelikult oskasin seda ainet, aga otsustasin, et olgu, ma proovin. Tuleme kohale, istume kõik laudade taha, ja mina laotan kõik materjalid lauale laiali. Ta küsib minult ühe küsimuse. „Üks hetk,” vastan mina ja vaatan oma märkmeid, siis vastan, ja nii edasi, kuni ta ütleb: „Jah, väga hästi, annan teile

9 punkti 10st.” Ja mina vastu: „Ei, 10/10” – „Mis mõttes?” – „10/10, kuna ma spikerdasin.” – „See pole võimalik!” – „Vaadake nina ette! Kõik materjalid on minu ees laual laiali”. Nii ta panigi mulle 10 punkti. Sellised vahepalad siis.

Igal juhul St Serge'is ei läinud kõik sugugi lihtsalt, nad olid minu suhtes ebaõiglased. Mingil hetkel saadeti mulle St Serge'ist kiri, et olen üliõpilaste nimekirjast maha tõmmatud. Ma ei tea, mis täpselt edasi juhtus, aga metropoliit ilmselt suhtles nendega ja ütles, et nii ei lähe, et ma pean oma diplomi kätte saama. Ja nii lubati mind tagasi loengutesse. Lõpptulemusena õnnestus mul 1965. aastal oma õpingud siiski lõpetada. 1964. aastal asusin lisaks õppima Sorbonne'i ülikooli Süüria munkluse erikursusele. Tahtsin kirjutada sellel teemal oma doktoritöö. Esimesel aastal õppisin Sorbonne'is paralleelselt St. Serge'is õppimisega. Loengud St Serge'is toimusid hommikul kaheksast kella kolmeni pealelõunal ja Sorbonne'is algasid kella kuuest.

Rääkige oma suhetest õe ja vennaga.

Kui me lapsed olime, siis mu vend ja õde ei olnud kuigi innukad õppijad. Mina seevastu olin oivik. Meie mängudes olin mina alati õpetaja rollis. Mängisin kodus kooli, see ei meeldinud neile üldse. Nad olid alati kahekesi minu vastu. Üldiselt me muidugi armastasime üksteist väga, eriti head suhted olid mul vennaga. Vend elab praegu Lille'is, õde Toulouse'is. Me käime läbi, tihedamalt suhtlen vennaga. Kord aastas Montpellier's käies käin teda alati vaatamas. Õega on keerulisem lugu, tema elab Põhja-Prantsusmaal, sinna ma ei satu. Meil on head suhted, oleme väga kokkuhoidev perekond. Eks ainuke asi oligi selles, et mina olin meie peres see n-ö intellektuaal ja õde-vend olid n-ö anti-intellektuaalid ja minu vastu liidus.

Kas nemad ei läinud ülikooli?

Õde tõesti ei läinud. Ta õppis sekretäriks ja oli väga kiindunud muusikasse, õppis klaverit. Vend õppis ülikoolis mingit ette-

võtluse suhtekorraldust ja oli selles edukas. Nii õde kui ka vend on praegu pensionil. Nad mõlemad õppisid Belgias ja ema oli sel ajal samuti seal. Peale õpingute lõppu tulid kõik Prantsusmaale, õde abiellus prantslasega ja vend abiellus inglannaga, kes töötab Prantsusmaal, seega lõpptulemusena jäi ka tema Prantsusmaale elama. Õel ja vennal on lapsed, õe lapsi ma eriti hästi ei tunne, aga vennapoeg ja vennatütar on väga toredad, meil on lähedased suhted.

Mis aastal teie isa Pariisi tuli?

See pidi olema 1968 või 1969. Ma olin toona diakon, olin oma õpingud St Serge'is lõpetanud. Ta elas Prantsusmaal päris mitu aastat. Isa oli 85-aastane, kui suri. Kui isa Pariisi toodi, oli ema vanadekodu juhataja. Pärast saabumist isa opereeriti ja kui ta oli paranenud, võttis ta vanadekodu juhtimise üle ning ema tuli minuga kaasa Lõuna-Prantsusmaale Nizzasse ja Marseille'sse. Aeg-ajalt käis ta muidugi Pariisis isal külas, aga suurema osa ajast oli ta siiski minuga.

Millised olid teie suhted emaga?

Pärast mu diakoniks pühitsemist muutus ema väga usklikuks ja ka suri väga usklikuna. Nagu isagi, suri ka ema 85-aastaselt. Ta oli isast viis aastat noorem. 83-aastaselt juhtus emal õnnetus ja ta elas oma elu lõpu-aastad ühes meie kloostriest Lõuna-Prantsusmaal. Montpellier's käies külastasin teda alati. Mäletan, kui ma Eestisse tulin, siis isa Mattias oli see, kes ütles mulle, et Prantsusmaalt helistati ja teatati, et ema on surnud. Nad on isaga mõlemad maetud Grenoble'i lähedale Villeardonnelle'i linnakese kalmistule. See väike kalmistu on väga ilus ja ma arvan, et nad on seal koos õnnelikud. Samas kandis on ka üks meie kloostreid – *Notre-Dame du Buisson Ardent*. See on üks neid kloostreid, mida ma Lõuna-Prantsusmaal teenides kaitsesin ja toetasin. Meil on siiani väga soojad ja lähedased suhted. Nad lootsid, et veedan oma pensionipõlve seal kloostri vaimulikuna. Vahevahel tunnen tõesti sellist kiusatust, aga tean, et see ei ole võimalik. Liiga palju asju on vaja veel enne korda ajada.

(Järgneb)

Rooma püha Klement

Väheste varaste pühade isade teoseid leidub ka eesti keeles. Üheks ilusaks erandiks on Rooma püha piiskop Klement (Clemens, +101), kelle kaks kirja Uku Masingu tõlkes on avaldatud raamatus „Apostlikud isad” (Tallinn 2002).

Kindlaid ajaloolisi andmeid piiskop Klementi elu kohta on küllalt vähe. Kindel on vaid, et ta oli Rooma piiskop ja et tema kiri Korintose kogudusele on ehtne ning

saadetud ilmselt aastal 96. Teise kirja autorsuses enam nii kindlad ei olda. Igatahes on kumbki kiri vana ja autoriteetne: nii mõneski vanas piiblikäsitõlkes on see lisatud pühakirja raamatutele. Lisaks on püha Klementi nime kandvaid kirjutisi veel, kuid need ei ole ilmselt ehtsad.

Korintlastele ajendas kirjutama nende koguduses kerkinud vastuolud (ei midagi uut, sama sündis ju ka apostel Pauluse päevil). Paistab, et nüüd olid mõned nooremad kirikuliikmed astunud presbüteride

vastu, kes olid oma ametialitustes laitematud. Tüli paistis olevat enam isiklikku kui õpetuslikku, põhimõttelist laadi. Püha Klement noomib korintlasi ja kutsub neid rahule, tuues palju näiteid Vanast Testamendist ja Kristuse õpetusest.

Traditsiooniline elulugu ütleb, et Klement oli päritolult roomlane ja et ta kuulis noorena apostlite endi kuulutust. Kaheldav on, kas ta on sama Klement, keda püha Paulus mainib kirjas filiplastele (4:3). Oma kuulutustöös püüdis ta järgida püha Peetrust.

Klement oli andlik ja tasane, tundis hästi pühakirja ning ka kreeka mõttetarku. Ta pööras Kristuse poole palju nii paganaid kui ka juute. Pärast seda, kui ta oli pööranud Teodoora-nimelise ülikunaise ja veel hulga roomlasi, kaevati tema peale ning keiser Trajanus saatis ta sunnitööle riigi idaossa Taurise poolsaarele, tänapäeva Krimmi. Seal, rasketes oludes, lohutas ta kaasvange ja lasi oma palvetel neile puhta vee allika maast pursata. Selle ja muude imetegude ja jutluste mõjul pöördus hulk paganaist vange ristiusku. Kuid Klementil ei lastud seda kõike kaua teha: teda piinati ja uputati ankrul külge seotuna merre. Meri taganes aga nii, et tema rannast ligi 300 meetrit eemal lebas ihu tuli pärast tema märtrisurma ja selle aastapäevadel nähtavale. Hiljem on tema säilmed viidud Konstantinoopolisse ja sealt Rooma; väiksemaid osi on ka mujal. Püha Klementi mälestuspäev on õigeusu kirikus 24. või 25. novembril, läänes 23. novembril (meie rahvapärimeses tuntud leemetipäevana).

Järgnevalt mõni väljavõte tema esimesest kirjast. Valinud oleme selliseid lõike, mis ei puuduta kitsalt eelnimetatud vastuolu-

sid Korintoses. Tõlke kohatine sõnasõnalisus ja omapära nõuab süvenenud lugemist.

*

Mõtlegem järele, armsad, kuidas Valitseja osutab kehvasti meile olevat tuleva ülestõusmise, mille esmikuks ta tegi Issanda Jeesuse, surnuist äratades üles. Nähkem, armsad, ajalikult sündivat ülestõusmist. Päev ja öö vihjavad ülestõusmisele, öö heidab magama, tõuseb üles päev, päev läheb ära, öö tuleb päralt. Läks välja külvaja, ja viskas maale seemneteri, mis kukkudes maha kuivalt ja alasti (olles) lagunevad, siis lagunemisest Valitseja ettemõtluse suurus äratav nad üles ja ühest kasvavad paljud ja kannavad vilja. XXIV, 1-5

Siis selle lootuse abil olgu hästi seotud meie hinged sellega, kes ustav töötusis ja õige kohtuotsusis. Süttigu siis enam tema usk meis ja mõelgem, et kõik on tema lähedal. XXVII, 1,3

Olles siis nüüd püha osa, tehkem kõiki pühitsemise asju, põgenedes laimamiste, reostatud ja puhtusetute magatamise, joomingute „uuduste” ja jäledate himude, rämpase abielurikkumise, jäleda ülbuse eest. Sest Jumal paneb vastu ülbeile, aga andlikele annab armu (Õp 3:34). Liitugem siis nendega, kellele arm on antud Jumalalt, rõivastugem üksmeelde, olles andlikud, karsked, hoides iseennast kaugele igast tagarääkimisest ja laimamisest, saades õigeks tegudega, ja mitte sõnadega. XXX, 1-3

Kui õndsad ja imestatavad on Jumala annid, armsad! Elu surematuses, (hinge) sära

õigluses, tõde julguses, usk usalduses, karskus pühitsuses, ja need kuuluvad kõik meie mõtlemisvõime piirkonda. Mida nõnda siis on valmistatud ootajale? Looja ja ajastute kõikpüha Isa teab ise nende (asjade) ulatuse ja iluduse. Meie siis võidlegem, et saada leitud teda ootajate hulgas, et saaksime osa ettekuulutatud andidest. Kuidas aga sünnib see, armsad? Kui on kindlustatud meie meel Jumala poole, kui teostame asju, mis on kohased ta veatule tahtmisele, ja kõnnime tõe teel, heites ära endast kõik ülekohtu ja käsutuse, ahnuse, riiud, tigidused ja pettused, laimamised ja tagarääkimised, jumalavaenu, ülbuse ja hooplemise, suurustamise ja armastusetuse võõraste vastu. XXXV, 1-5

Kosugu siis nüüd kogu keha Kristuses Jeesuses ja igäüks alistugu oma ligimesele, nii nagu on antud temale armuannid. Tugev hooldagu nõrka, aga nõrk austagu tugevat, rikas toetagu vaest, aga vaene tänagu Jumalat, et ta andis talle (selle), kelle läbi täitub tema puudus. Tark näidaku üles oma tarkust mitte sõnadega, vaid hääde tegudega; andlik ärgu tunnistagu iseenda kohta, vaid lasku teistel anda tunnistus enda kohta; kes lihas puhas, ärgu hoobelgu, teades, et teine on (see), kes võimaldab talle karskuse. XXXVIII 1-2

Kel on armastust Kristuses, tehku Kristuse korraldusi. Jumala armastuse köidikut kes suudab kirjeldada? Tema ilu suurust kes on võimeline ütleva välja? Armastus liidab meid Jumalaga, armastus katab pattude hulga, armastus kõike sallib, igas

suhtes on pikameelne, midagi alatut pole armastuses, ei midagi ülbet, armastusel pole lõhenemist, armastus ei mäss, armastus teeb kõike üksmeeles, armastuses täiustused kõik Jumala valitud, armastuse pole midagi meelepärane Jumalale. Armastuses võtab meid omaks Valitseja, armastuse tõttu, mis tal oli meie vastu, andis oma vere meie eest Jeesus Kristus meie Issand, Jumala tahtel nii oma liha meie liha eest kui hinge meie hinge eest. XLIX, 1-3, 5-6

Vaadake, armsad, kui suur ja imelik on armastus, ja tema täiuse kirjeldust pole olemas. Kes on kõlvuline saama leitud temas, kui mitte need, keda vääristab (nõnda) Jumal. Palume siis ja küsime tema halastuselt, et meid leitaks olevat armastuses ilma inimliku erakondlikkusega, veatuina. Oleme õndsad, armsad, kui teeme Jumala käskude armastuse üksmeeles, et meile antaks andeks armastuse läbi patud. L, 1-2, 5

Olgem kuulekad siis tema kõikpühale ja aulisele nimele, põgenedes tarkuse kaudu sõnakuulmatuile ettekuulutatud ähvarduste eest, et me elaksime, lootes tema suuruse kõigevagamale nimele. Sest Jumal elab ja elab Issand Jeesus Kristus ja Püha Vaim ehk valitute usk ja lootus, sest see, kes on teinud andluses pideva leebusega kahetsetamatult Jumala poolt antud korraldusi ja käskude, see on asetatud ja arvatud Jeesuse Kristuse läbi päästetute hulka, kelle läbi on temale (Jumalale) kirikus ajastute ajastuteni. Aamen. LVIII, 1-2

Igavene mälestus!

Üinus isa Innokenti Hiet 14.09.1926 – 26.08.2021

Ülempreester Innokenti Hiet sündis Mätja külas Pärsuma vallas Saaremaal. Aastal 1941 lõpetas ta Karja algkooli; 1944. aastal mobiliseeriti ta Saksa sõjaväkke, kust põgenes; aastatel 1944–1946 oli sõjavangis Novgorodi oblastis. 1946. aastal töötas Balti merelaevastiku ehitustrustis Paldiskis ning puusepa ja transporditöölise Tallinnas. Innokenti Hiet õppis aastail 1953–1957 Leningradi Vaimulikus

Seminaris, 1976–1992 töötas Kingissepa (Kuressaare) riigipangas valvuri ja auto-remonditöölise. 1992. aastal oli ta kiriku ajakirja Usk ja Elu korrespondent. Enne vaimulikutele asumist abiellus ta Adeelega, kellega saadi kaks poega. Tallinna piiskop Joann pühitses isa Innokenti diakoniks 12. septembril ja preestriks 14. septembril 1957. aastal, ülempreester oli ta alates 1969. aastast. Isa Innokenti teenis Mustjala Prohvet Eelija koguduses alates preestrikspühitsemisest ning hooldas samal ajal Lümända Issandamuutmise ja Piila Peaingel Miikaeli kogudust. 10. märtsil 1961. aastal asus ta teenima Leisi püha Olga kogudust, 1968. aastast – 1970. aasta 1. novembrini hooldas Hiiumaal Emmaste Jumalaema Sündimise kogudust, alates 17. augustist 1971 Pärsama püha Innokenti kogudust (kodukirik, kelle pühaku järgi sai ka oma nime). Alates 1998. aastast hooldas Ööriku püha Kolmainu kogudust. Teenekas vaimulik läks erru 14. veebruaril 2010 83-aastasena.

Foto: Tõnu Veldre

EAÕK vanimat vaimulikku iseloomustavad lihtsus, töökus, saarlaslik huumorimeel, oskus teisi kuulata ja ülihea mälu; haritud usumehena tundis ta mitmeid võõrkeeli. Lapsepõlv ja noorusaastad olid isa Innokentil rasked, kuid see õpetas teda kaasinimesi mõistma ja abistama. Kui oli vaja, remontis ta ise kirikuid, näidates nõnda üles oma armastust pühakoja vastu. Kõrges easki hoolitses ta, et kirikud oleksid korras ja kasutuskõlblikud. Meelsasti

abistas ta teisi vaimulikke, eriti koguduste nimepäevadel, jättes kõrvale kõik erimeelsused ja lahkkelid. Kui tarvis, saabus kirikusse varem kohale, küttis enne teenistust ahjud ja koristas ruumi, et inimestel oleks mugav pühakotta tulla. Isa Innokenti oli alati vastutulelik ja mõistev. Armas ametivend, puhka rahu kodukalmistul oma pere juures. Igavene mälestus!

Ülempreester Andreas Põld

Pokrova

Kirikuaastast leiame mitmeid Jumalaema neitsi Maarjale pühendatud tähtpäevi. Nii tähistame septembris Jumalaema sündimist, novembris templisseviimist, märtsis röömukuulutamist ja augustis uinumist, muudel päevadel aga teisi temaga seotud tähtsamaid sündmusi või ikoone.

Üks neist paljudest tähtpäevadest on Jumalaema kaitsmise püha, teise nimega Pokrova. Pokrovat tähistatakse alati 1. oktoobril ja sellega on seotud üks iseäralik lugu, mis leidis aset Ida-Rooma keisririigi pealinna Konstantinoopoli ühes kuulsamas kirikus nimega Blaherna. Blaherna kirikus olid ka hoiul väga väärtuslikud esemed: Jumalaema rüü ja osa tema vööst.

Bütsantsi pealinn Konstantinoopol, nimetatud ka kõikide linnade emaks, oli kuulnud oma lõpmatu rikkuse poolest. Need varandused meelitasid ligi ka arvukaid vaenlasi, kes tihtilugu linna vallutada püüdsid. 10. sajandil olid Konstantinoopoli müüride all taas saratseenide ehk islamiusuliste araablaste väed. Nende pealetung jätkus nii kaua, et linna elanikud olid juba meeletult ja lootust kaotamas. Nad kogunesid Blaherna kirikusse koguõisele teenistusele, et paluda Jumalaemalt eestkostet ja kaitset linna piiravate vaenuvägede vastu. Ühed tulisemad palvetajad olid vaga Andreas ja tema õpilane Epifanos.

Kas teadsid, et...

- ⊕ Nimetus Pokrova tuleb venekeelsest sõnast *pokrov*, mis tähendab *katet, varjet ja kaitsmist*.
- ⊕ Eesti kirikutest on Jumalaema kaitsmisele pühendatud Tornimäe kirik Saaremaal ja Karula kirik Valgemaal.

Keskööl, pärast pikemat palvetamist avanes vaga Andrease silme ees eriskummaline nägemus: ta nägi, kuidas Jumalaema siseneb kuninglike uste kaudu kiriku altarisse ja läheneb altarilauale. Jumalaema ei olnud üks: teda saatis suursugune prohvetite, apostlite ja inglite kaaskond. Nende seas eristusid Johannes Teoloog ja Ristija Johannes, kes seisis Jumalaemast paremal ja vasakul pool. Valgetesse rüüdesse rietatud pühade meeste seas laulsid mõned kirikulaule, teised aga kõndisid Jumalaema ees. Vaga mees sosistas oma õpilasele: Vaata, kas ka sina näed maailma valitsejannat? Jah, auväärne isa, vastas noormees. Seejärel nägid nad, kuidas Jumalaema laskus põlvili ja palvetas pikka aega. Ta palus pisarsilmi oma poega maailma päästmise eest. Seejärel astus ta altarilaua juurde ning palvetas kõigi kirikus palvetanud usklike eest.

Kui ta oli palve lõpetanud, võttis ta peast pika räti ning laotas selle ettevaatlikult, otsekui kaitsva katte kirikurahva ja kogu linna kohale. Mõne aja pärast tõusis Jumalaema taevasse ja ka loor haihtus vähehaaval.

Selle nägemuse põhjal, millest vaga Andrease vahendusel sai osa ka tema õpilane Epifanos, kujuneski välja Jumalaema kaitsmise püha. Pokrova ikoonil hoiab Jumalaema ettesirutatud kätel pikka rätikut või loori otsekui kaitsvat varju, mille all on mõnikord kujutatud Konstantinoopoli linna. Tihti seisavad Jumalaema kõrval Ristija Johannes ja apostel Johannes või inglid.

Tropar

Sind kiidavad lauldes inglite väed, Neitsi Jumalasünnitaja.
Sind austavad esivanemad ühes ülempreestritega
ja pühad apostlid teenivad sind austusega kui Jumalaema,
sest nad näevad, et sa maailma eest palvet teed
kõikide Lunastaja, Kristuse Jumala ees.
Palu Teda, et Ta ära päästaks rahva, kes sind usuga
kiidab ja sinu kaitsmise püha austab.

Ikoon „Kõikide kurbade rõõm”

Jumalaemaga seotud tähtpäevade seas leidub ka selliseid, mil meenutatakse mõnda talle pühendatud ikooni. Nii on 24. oktoober Jumalaema ikooni „Kõikide kurbade rõõm” mälestuspäev. Tegemist on omaette ikoonitüübiga, mis pärineb 17. sajandist ja millel on kujutatud neitsi Maarjat alati kindlal viisil.

Ikoonil Jumalaema seisab, vahel Jeesuslapsena süles. Mõnikord on Jumalaema näidatud ka kui krooniga valitsejannat.

Harilikult asub ikooni ülaosas kõigeväeline Kristus, veidi allpool inglid ja mitmed abipalujad, keda Jumalaema ja Kristus kaitsevad.

Igal värvil on siin oma tähendus: Jumalaema valge peakate on tema neitsilikkuse sümbol, punane värv tähistab armastust, taustal olevad lilled ja taimed paradiisiaeda, roheline värv lootust ja uuenemist, kuld Jumala kõigeväelisust. Esemetest tähistab kepp vigast inimest, side silmadel pimedat.

Mõnikord on sellele ikoonile otsekui kleepunud mündid, mis meenutavad ikooniga kaasaskäivat lugu. „Kõikide kurbade rõõmu” ikooni olevat paiknenud Peterburi lähedase klaasitehase kabelis, mis põlema süttis, kuid ikoon pääses imelisel kombel kahjustamata. Põlengu käigus aga kleepusid ikooni külge kabeli korjanduskarbi mündid. Hiljem ehitati sellesama ikooni tarbeks katedraal.

Värvi ikoon ja kui soovid, joonista Jumalaema
kätele kaitsev rätik! (Lk. 9)

Покров

В церковном году есть много праздников, посвященных Богородице и Приснодеве Марии. В сентябре мы празднуем Рождество Богородицы, в ноябре – Введение во храм Пресвятой Богородицы, в марте – Благовещение, в августе – Успение, в иные дни отмечаются праздники, связанные с различными событиями из жизни Божией Матери или с Ее иконами.

Одна из таких важных дат – это Покров Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Покров всегда празднуется 1(14) октября. С этим праздником связана одна необыкновенная история. Случилось это в одной из самых знаменитых церквей столицы Восточной Римской империи – Константинополя. Церковь эта называется Влахерна. Во Влахернской церкви хранились почитаемые святыни: риза Божией Матери и часть Ее пояса.

Византийская столица – Константинополь, названный также матерью всех городов, была известна своими неисчерпаемыми богатствами. Богатства эти привлекали множество врагов, пытавшихся завоевать город. В X веке Константинополь штурмовали войска сарацинов – арабов-мусульман. Осада продолжалась так долго, что отчаявшиеся горожане уже теряли надежду. Они собрались во Влахернскую церковь на всенощное бдение, чтобы попросить Бога защитить город от окруживших его захватчиков. Самыми усердными молящимися были святой Андрей, Христа ради юродивый, и его ученик Епифаний.

В полночь, после долгой молитвы, святому Андрею открылось чудо: он видел, как Богородица царскими вратами входит в алтарь и приближается к престолу. Божия Мать, как венцом, окружена была множеством пророков, апостолов и ангелов. Справа от Богородицы стоял Иоанн Богослов, а слева – Иоанн Креститель. Сонм святых мужей, одетых в белые ризы, пел церковные гимны, некоторые шли перед Богородицей. Святой Андрей сказал своему ученику: «Видишь ли, брате, Царицу и Госпожу всех, молящуюся о всем мире?». «Вижу, святой отче, и ужасаюсь», – отвечал ему Епифаний. Они видели, как Божия Мать опустила на колени и долго молилась. Со слезами на глазах молила Она Своего Сына о спасении мира. Затем Она подошла к престолу и просила за всех людей, молившихся в церкви.

Закончив молитву, Богородица сняла с головы длинный платок – омофор – и покрыла им верующих и весь город. Через некоторое время Божия Мать поднялась в небо, постепенно рассеялся и омофор.

В память об этом чудесном явлении, виденном святым Андреем Юродивым и его учеником Епифанием, и был установлен праздник Покрова Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. На иконе праздника мы видим Божию Мать, держащую на вытянутых руках длинный платок или омофор, иногда в его защитной тени изображают Константинополь. Часто рядом с Богородицей изображают Иоанна Крестителя и апостола Иоанна Богослова или ангелов.

Тропарь

*Сегодня, верующие люди, праздник
празднуем, осеняемые Твоим, Божия
Мать, пришествием, и к Твоему взирающе
пречистому образу, умильно говорим: покрой
нас честным Твоим Покровом и избави
нас от всякого зла, моли Сына Твоего,
Христа Бога нашего, спасти наши души.*

Раскрась икону и, если хочешь, нарисуй платок, которым Божия Мать покрывает и защищает Свой народ.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

- ⊕ Название праздника – «Покров» – происходит от глагола «покрывать». Божия Мать покрывала верующих и город Своим омофором и защитила их таким образом. По-эстонски иногда называют этот праздник «Põkrova», от русского названия.
- ⊕ Церковь в Торнимяэ на о. Сааремаа посвящена празднику Покрова Пресвятой Богородицы.

ИКОНА «ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЕ»

Среди Богородичных праздников есть и такие, когда вспоминается какая-либо из посвященных Ей икон. Так, например, 24 октября совершается память иконы Божией Матери под названием «Всех скорбящих радости». Это особый иконографический тип, восходящий к XVII веку, определенным образом изображающий Деву Марию.

На иконе Божия Мать изображена стоя, иногда с Младенцем-Иисусом на руках. Иногда голова Богородицы увенчана венцом.

Обычно в верхней части иконы мы видим Христа Всемогущего, немного ниже – ангелов и еще ниже – нескольких людей, просящих о помощи, которых защищают Богородица и Христос.

Каждый цвет имеет здесь свое значение: белый цвет головного убора Богородицы – это символ девственности, красный цвет означает любовь, цветы и растения на заднем плане обозначают райский сад, зеленый цвет – надежду и обновление, золото – всемогущество Божией Матери. Если рассматривать предметы, то трость говорит о болезни человека, повязка на глазах – о слепоте.

Иногда к такой иконе как бы приклеены монетки, эту икону называют еще «Всех скорбящих радость с грошиками». Вот история появления иконы такого типа: в 1888 году во время страшной грозы молния ударила в часовню, располагавшуюся под Петербургом, неподалеку от стекольного завода, но находившаяся в ней святая икона Царицы Небесной осталась невредимой; к ней лишь прилепились мелкие медные монеты (грошики) из разбитой кружки для сбора пожертвований. В 1898 году была построена церковь, где хранилась эта икона, но позже церковь снесли. Сейчас она хранится в петербургской Троицкой церкви «Кулич и Пасха».

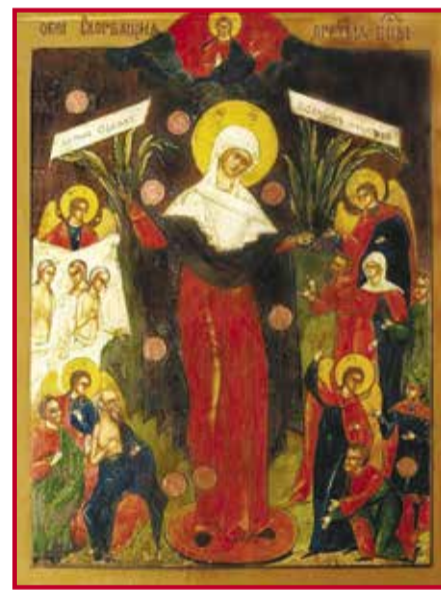

Фото: Геннадий Баранов 2019

Выступление Высокопреосвященнейшего митрополита Стефана на соборе ПЦЭ 29. IX 2021 г.

наша планета Земля продолжала жить, быть единой и несущей в себе добрые дела.

Все это возможно только в том случае, если мы заменим эту инфекцию зла и насилия на другую – сколько более здоровую и творящую свет – а именно на присутствие святости и Бога в мире. При этом даже не стоит вопроса о том, стоит ли это делать, – напротив, мы можем с уверенностью сказать: мы это делаем! Это обязательство ясное, неоспоримое и окончательное, – его возложил на нас Сам Господь: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века» (От Матфея 28: 19-20).

Мы более не можем оставаться безучастными, идет ли речь о внутренней или внешней миссии. В нашей церкви миссионерская работа всегда занимала важное место. Это не просто что-то полезное или доброе; это прежде всего обязанность, если мы хотим быть по-настоящему последовательными в своем православии. Если мы не выполним эту задачу ни на уровне церкви, ни прихода, мы предадим один из важнейших столпов нашего предания.

Всякий раз, когда мы, церковнослужители и миряне, остаемся равнодушными к этой апостольской задаче, возложенной на нас Самим Господом, мы вступаем в противоречие с сутью нашей собственной церкви. «Горе мне, – говорит апостол Павел в своем первом

послании коринфянам, – если не благовестую» (9:16).

Эта задача является обязательной как для каждого члена церкви, так и для Церкви в целом. Отказаться от нее значило бы отрицать самого себя. Христианин, ставший единым со Христом и живущий в Нем, не может думать, чувствовать, быть, вести себя или видеть мир иначе, чем Христос.

Самое начало пандемии я вновь и вновь повторял эту мысль, потому что хочу быть откровенным со всеми собравшимися здесь, а через вас – со всеми членами наших приходов, поскольку именно вы представляете их на этом соборе.

Я утверждаю, что единственная цель нашей жизни, единственная потребность человечества состоит в том, чтобы позволить Христу прийти и построить внутри каждого Свой дом, – общий дом для Бога и людей, в который все мы призваны, в который приходит Сам Иисус, чтобы осушить наши слезы.

Поэтому Церковь всегда среди нас, чтобы мы, ее члены, смогли подчиниться воле Господа, который повелевает нами и побуждает нас идти рядом с Ним и связать себя со Христом. Это относится ко всем людям, независимо от их национального происхождения, личных или общественных убеждений. Несмотря на страхи, вызываемые у каждого из нас этим миром, по поверхности которого мы ступаем, – с произрастающими на ней колючками и сорняками

(Быт. 3:18), наша задача заключается в том, чтобы объяснить всем, кто живет и дышит, что Иисус «творит все новое» (ср. Откровение 21:5). Он покорила князя этого мира, Он разбил цепи ада, Он поправил смерть Своим воскресением.

Вот почему есть по крайней мере одно занятие, которое каждый приход должен поддерживать и развивать, которым является катехизис, т.е. вероучение. Вероучение как живая традиция «находится на службе христианского сообщества, чтобы способствовать углублению веры в повседневной жизни». Живое вероучение – не поверхностное, а страстное и творческое, возвращаемое силой Духа Святого.

«**Ц**арские врата», через которые Святой Дух проходит всякий раз, когда желает предложить всему миру новую Пятидесятницу, Евангелие, эту благую весть Христа о спасении мира, – постоянно обновляются и ждут, что мы признаем и провозгласим Иисуса так, как во времена апостолов, провозгласим с теми же радостью, убеждением, усердием и уверенностью. Это является высшим вызовом, которым Бог облек нас в величайшую славу Своего Царства.

Братья и сестры, жатва предстоит большая, а жнецов мало. И все же Всемогущий Бог с нами. Не отпускайте руки!..

† Стефан,
Митрополит Таллинский
и всея Эстонии

Преосвященнейшие владыки Епископ Тартуский Илия и епископ Пярнуский и Сааремааский Александр, дорогие братья во Христе, глубокоуважаемые иереи и диаконы, дорогие настоятельница и сестры Скита Святого Иоанна Предтечи на Сааремаа, почтенные архонты, гости и друзья нашей Церкви!

Да будет благословен сегодняшний день, позволяющий нам встретиться, несмотря на охватившую весь мир пандемию коронавируса, от которой страдаем мы все.

Нынешняя ситуация заставляет нас осознать собственную крайнюю хрупкость, – как индивидуальную, так и коллективную. Пора отбросить легкомыслие, ложь, высокомерие и вместе с ними все, что заставляет нас чувствовать себя «всемогущими и всезнающими богами», безразличными к духовным потребностям или чуждыми им, чтобы переосмыслить то, что является для нас жизненно важным; для того, чтобы

Фотографии: отец Ардалион Кескюла

Послание пресвятейшего патриарха Варфоломея собору ЭАПЦ

Высокопреосвященнейший митрополит Таллиннский и всея Эстонии, дорогой брат и сослужитель Нашей Скромности в Святом Духе владыка Стефан, окружающие его преосвященнейшие епископы, достопочтенные монахи, священники, священнослужители и церковнослужители всех степеней, а также все уважаемые представители приходов, участвующие в соборе находящейся в ведении Вселенского Престола автономной Православной Церкви Эстонии, – да будет на вас благодать и мир от Бога Отца, Господа нашего Иисуса Христа и Пресвятого

и Животворящего Духа, а также наше патриаршее благословение, пожелания счастья и отпущение грехов!

СБожьей помощью 29 сентября этого года проводится ежегодный поместный собор Православной Церкви Эстонской. Мы ценим Ваше Пресвятейшество за продолжение этой традиции, – искать в удивительном единстве разрешение текущих управленческих и пастырских проблем. Вы принимаете важные решения, касающиеся исполнения миссии церкви и повседневного свидетельствования. От всей души желаем успеха в работе настоящего собора! Подобные встречи всегда являются источником вдохновения и надежды для жизни церкви.

Нынешний собор Эстонской церкви проходит в особых условиях, поскольку в мире бушует пандемия коронавируса Covid-19, поразившая человечество с февраля прошлого года. На протяжении всего этого времени мы отслеживали развитие кризиса в области здравоохранения и его влияние на

общество, экономику и жизнь церкви, а также поддерживали связь с архипастырями наших братьев по всему миру.

Мы молимся за души усопших, просим о подкреплении свыше больных и их семьям, сил для врачей и медсестер в их самоотверженном труде, а также молимся за ученых, которые работают над созданием и совершенствованием вакцин и лекарств против этого смертельного вируса. Мы укрепляем дух оказавшихся в беде братьев, и обращаемся ко всем с официальными уведомлениями и пастырскими посланиями, подчеркивая, среди прочего, сколь важно с точки зрения гуманности обеспечить экономически более слабые страны достаточным количеством вакцин.

Мы неоднократно заявляли, что меры предосторожности, рекомендованные экспертами и установленные государственными властями, не затрагивают ни нашу веру, ни предание. Ясно, что эти меры нацелены не на нас как верующих, а на людей, которые

«живут по плоти» и которым угрожает эта ужасная болезнь.

Церковь-Мать остается непоколебимой в своем учении о сути великого таинства причастия. Что касается того, как таинства справляются верующими, мы не видим необходимости как-то в это вмешиваться, особенно под давлением внешних обстоятельств. Если решения местных властей вызывают где-то проблемы, мы рекомендуем разрешать насущные пастырские вопросы благоразумно, с максимальным уважением к традициям святых отцов и в соответствии с нашим святым престолом. Мы благодарим вас, брат во Христе, за то, что Вы смогли в этой ситуации действовать в поместной церкви по-пастырски, с уважением к православному преданию и к каждому верующему, разумно применяя меры по охране здоровья и успешно используя современные средства информации.

Мы также ценим вклад вашего духовенства в этой ситуации и

их самоотверженное служение. Такие жертвы служат ярким примером того, что служитель Всевышнего принадлежит не себе, а Христу и Церкви. Он пламенный человек, чуткий к страданиям и поворотам судьбы, связанным с ограничением свободы возлюбленного Богом человека. Служить ближнему – значит отдавать за него душу.

Во время кризиса здравоохранения особенно проявилась ценность личной помощи, бескорыстной любви и щедрости. Больной человек – это не безликая единица, не некий «случай», а уникальная, священная личность. В то же время последствия мировой пандемии для общества и экономики также подчеркнули важность церковного послания любви и надежды. Экономические и социальные проблемы приближают человека к осознанию центральных проблем его существования. Понятно, что притча о «неразумном богаче» и его «больших житницах» – не решение для тех трудностей, с которыми сталкивается огромное количество людей.

Христианская вера, подчеркивающая образ Бога в человеке и определенную для него вечную жизнь, также утверждает необходимость уважения к человеку. Церковь есть воплощение единодушия и культуры сплочения. В целом, передающиеся в православной традиции ценности были и остаются своего рода запрудой для попыток умалить святость человеческой личности. Разрешение первостепенных вопросов существования требует духовного подхода.

Вера есть свобода. Это означает отклик человека на Божий призыв, проявляющийся в постоянном воцерковлении нашего бытия в таинствах и священных обрядах, а также в свидетельствовании нашей надежды. Вера в Христа – не враг истории, а преобразующая ее сила. Это источник служения и братства, творческих начинаний и помощи страдающему ближнему. Это ответ на нынешние бесконечные эгоистичные требования, на забвение самореализации и жертвенности, – ответ на антикультуру.

Вы, митрополит Таллиннский и вся Эстония отец Стефан, достойно откликнулись на Божий призыв и проявили себя и как неутомимый Его служитель, и как служитель ближнего. Вы боролись за провозглашение Евангелия в новых обстоятельствах, чтобы донести христианское свидетельство в условиях современной культуры. В течение 22 лет своего пастырского служения в Эстонии Вы постоянно уделяли внимание формированию во Христе вверенной вашим заботам паствы, а также должному ведению дел церкви. Мы благословляем Ваше начинание по учреждению мужского монастыря в Сетумаа и, в широком плане, Ваши усилия по признанию в настоящее время православного монашества. Монашество и таинство причастия являются, как было метко сказано, двумя эсхатологическими столпами, защищающими Православную Церковь от рисков секуляризации. Все это выражает Вашу преданность Константинопольской Церкви-Матери, служащей согласно своему священному назначению, с полной пре-

данностью учению и законам, с неусыпной бдительностью к вызовам нашего времени.

Мы также даем благословение нашей Церкви-Матери Вашему Пресвятейшеству, преосвященнейшим епископам, вашему почтенному духовенству и благочестивому народу Божьему. Мы уверены, что ваш очередной собор пройдет в Христовой радости, и призываем всех вас объединиться в своих молитвах к Господу о переживающих испытания братьях и сестрах, а также о скорейшем прекращении пандемии. Мы желаем всему великодушному народу Эстонии успехов и процветания, и просим для всех вас, дорогие братья и благословенные дети, милости и щедрости Бога наших предков («который есть любовь и для этого призван»).

† Патриарх Константинопольский
Варфоломей,
любящий брат во Христе.
20 сентября 2021 г.

ПАСТЫРСКОЕ ПРИЗВАНИЕ БЫЛО У МЕНЯ ВРОЖДЕННЫМ

Интервью с митрополитом Стефаном на тему его жизненного пути

2 часть. Годы учебы в университете
Начало см. в «Metropolis» № 94, 2021 г.

Весной 1959 года Вы получили аттестат об окончании иезуитского колледжа (*Collège Notre Dame de la Victoire*) и решили продолжить учебу в Европе. Что было потом?

Поскольку я пока еще не определился в своем духовном призвании, но хотел служить людям, я решил выбрать профессию врача. Сначала я отправился в Бельгию, в Лёвенский католический университет, изучать медицину. Священники-иезуиты организовали мое поступление на учебу, поскольку были уверены, что я стану иезуитом. Просто они используют несколько иные методы работы, – и спокойно подготавливают почву. В Лёвене была также знаменитая семинария.

Итак, я приехал в Лёвен и начал искать местного православного священника. Я спросил у иезуитов, но они не знали ни одного православного священника. Что делать?.. Я проживал в квартире у одной семьи, и каждое воскресенье ходил

в ближайший итальянский ресторан на обед, где подружился с одним официантом. Мы были знакомы уже около месяца, когда я спросил его, есть ли здесь православная церковь. И он ответил: «Да, рядом с вокзалом есть одна. Я достану тебе адрес». И он достал для меня адрес. Это была квартира на втором этаже. Я пошел туда, – и там вел службу один молодой греческий студент-священник – отец Максимос. Позже он стал очень важной персоной, но в настоящее время его уже нет среди нас.

И это изменило все. В то время в Лёвене на степень доктора учились два православных студента, – отец Максимос и еще один, который впоследствии стал преподавателем литургии в университете в Салониках. Я впервые повстречал людей, способных мне ответить. Я все время спрашивал себя, кто из меня выйдет, и думал про себя: «Мой отец мне кое-что дал, моя семья мне также кое-то дала, – так как же я могу пройти мимо православия, если даже не знаю, от чего я ухожу? Я должен все узнать». И случилось чудо: я встретил Максимоса, рассказал ему, что учусь на медицинском факультете, но врач из меня не получится. «Как так?», – спросил он. К тому времени я уже дошел до стадии принятия решения. Он спросил, что же я тогда делаю на медицинском факультете, и я объяснил: «Я там потому, потому что пока не знаю того, что хочу знать: почему я православный? Если я

стану священником, то буду католическим или православным священником? Я должен решить». «Что же делать в этом случае?» – спросил он меня, – и я ответил: «Давай я задам тебе вопросы, – ты ответишь на них, а сделаю заметки. Если попытаешься меня обмануть, больше меня не увидишь. Пока ты будешь со мной честен, – сможешь на меня рассчитывать». Затем я пошел к иезуитам, которые опекали меня, и сказал им то же самое: «Я спрошу у вас кое о чем, вы ответите, я запишу ответы, а потом подумаю». Так я и поступил: задал все важные для меня вопросы как одному, так и другим, и записал ответы. Затем вернулся к себе, сравнил ответы и задумался.

Что это были за вопросы?

Вопрос о верховенстве папы Римского, о невинности Девы Марии, о чистилище – вопросы такого рода. Можно сказать, что таким образом я многое узнал о богословии, церковной организации, обо всем. И постепенно понял, что там, где я нахожусь, я чувствую себя очень хорошо. При этом, конечно, я не делал особого упора на изучении медицины. Когда завершился мой первый учебный год, я принял решение и написал домой, – причем написал отдельные письма каждому из членов моей семьи. Начал я с письма отцу. Можно сказать, что письмо отцу стало последним перед его исчезновением. В то же время отец

Максимос должен был ехать в Париж, чтобы там кого-то заменить. Он сказал, что есть два места, где можно изучать православное богословие: в Халки [*в Халкинской богословской школе*], и в Сен-Серж [*Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже*]. Париж всегда был моей мечтой, – и так оно и случилось, – Максимос попросил за меня в Сен-Серж, и там сказали, что я могу приехать.

Как к этому отнеслись иезуиты?

Иезуиты отнеслись к этому с пониманием, и я еще долгое время поддерживал контакты с некоторыми из них. Например, с отцом Вивексом, который был в Африке и впоследствии стал начальником иезуитов. Позже мы даже получили от иезуитов одну церковь.

Я написал отцу, – и он мне ответил. Ведь у отца с детства был очень хороший опыт общения в кругах священнослужителей. Он сказал: «Я отлично понимаю, что это твое призвание, но то, что происходит в приходах, не всегда может воодушевлять. Будь осторожен и хорошенько подумай».

Вы раньше рассказывали отцу о своем духовном призвании?

Нет, но он знал об этом; это было видно во всем. Когда мне было шесть лет, я играл дома в церковь. Я видел свя-

щенника, который приезжал раз в год, и делал как он. Отец знал, но просто предупредил, что в жизни все далеко не в столь розовом цвете, как я думаю. Когда я получил ответ от отца, то написал матери. Мать считала, что мое намерение ужасно и была против. «Об этом не может быть и речи», – написала она. Такой же была реакция сестры. Но мой брат-агностик ответил: «Старик, это твое призвание, так что давай!». Просто он такой.

Затем я отправил следующую телеграмму отцу: «Отец, я хочу поехать в Сен-Серж, и у меня есть возможность стать священником, но я хочу получить твое благословение». Если бы он не благословил меня, я бы не поступил в Сен-Серж. Я не мог принять такое решение без отцовского благословения. Отец послал мне телеграммой свое благословение, и я стал студентом в Сен-Серж. Так все и началось. Когда же 6 января 1963 года я был рукоположен в сан дьякона, мама также полностью изменила свое мнение.

Вы упомянули об исчезновении Вашего отца. В 1960 году, после обретения Бельгийским Конго независимости, разразился так называемый конголезский кризис, который продолжался до 1965 года. Что стало с Вашей семьей?

Когда я уехал из Конго в 18-летнем возрасте, моя мать оставалась в Конго до обретения страной независимости. Когда вспыхнул мятеж и начались столкновения между чернокожими и белыми, женщин и детей эвакуировали. Это было ужасное время. Белых женщин и детей убивали, так что ничего не оставалось, кроме как покинуть страну. Моя мать приехала в Брюссель с сестрой и братом, а я уже был в Париже. Сначала они вообще поехали на Кипр, а уже потом в Брюссель. На Кипре мать проработала два года на автобусе, занимаясь тем, что открывала и закрывала двери автобуса. В то время автобусы были такими, что их двери приходилось открывать и закрывать вручную. Мать была очень образованной женщиной, но другой работы просто не было. Затем они переехали в Бельгию, где она нашла более подходящую работу; когда же она приехала в Париж с моими сестрой и братом, то я нашел для нее работу.

После эвакуации матери и брата отец остался в Конго один. Несмотря на гражданскую войну, он все так же ездил в лес закупать у местных продукты. А потом отец исчез, поскольку все мосты были разрушены, и он не мог вернуться в город. Первое письмо от отца

после его исчезновения я получил на Рождество в 1968 году. Мой отец жил в лесу семь лет. Конечно, жил не один, а с местными. Непосредственной угрозы для него не было, – его уважали, но он жил там отдельно от других белых. Он жил в своей машине, доставлял еду; отец знал лес и местные условия; питался тем, что находил. Можно сказать, что он был действительно отрезан от всех настолько, что ему даже не с кем было поговорить, а когда мосты были наконец восстановлены и он вернулся в город, люди подумали, что видят привидение.

Мы использовали любую возможность, чтобы найти отца: даже обращались в Красный Крест; и в 1967 году я получил ответ, в котором говорилось, что отец мой умер, т.к. никаких его следов найти не удалось. Конечно, я должен был сказать об этом маме, но не смог. Я просто сказал, что не получил никаких сведений, т.к. не верил, что отец умер. В день Рождества 1968 года почтальон принес заказное письмо. Как только я увидел это письмо, то сразу понял, что оно от отца. Я поехал к своему митрополиту, жившему на верхнем этаже, обнял его и расплакался. Он спросил меня, что случилось. Я ответил: «Мой отец жив». Я открыл письмо. В нем было десять страниц, и начиналось оно со слов: «Мой сын, я жив». Затем он описал, что с ним случилось. Я немедленно отправился к матери, которая тогда заведовала домом престарелых в Париже. Мне пришлось немного подготовить ее к этой новости, потому что я боялся, что она будет в шоке. А потом я сказал: «Читай!» Она открыла письмо – и сразу узнала почерк своего мужа.

Последний раз я писал отцу в 1960 году, когда поехал учиться в Париж. Теперь я снова ему написал. Конечно, я не мог представить, что мой отец сможет переехать жить во Францию, но вскоре у него возникли серьезные проблемы со здоровьем; его жизнь была под угрозой, и на месте уже ничего нельзя было сделать. Отца эвакуировали в Париж. Можно сказать, что я фактически впервые вновь увидел своего отца после окончания средней школы, когда мне уже стукнуло 30 лет. Для меня эта разлука была очень тяжелой; особенно я страдал от того, что отец не видел, как я вырос. Я ушел из дома совсем еще молодым человеком, а того, как я стал мужчиной отец не видел. Затем отец остался в Париже и там же умер.

Вы были рукоположены в сан дьякона в 1963 году, в возрасте 22 лет. Является ли обычной практикой рукоположение студента в дьяконы уже на втором курсе обучения?

Идя учиться в Сен-Серж, я уже знал, что хочу стать священником. Там существовала такая традиция, что одного из студентов четвертого курса рукополагали в дьяконы духовной семинарии [*Свято-Сергиевского православного богословского института в Париже*], потому, что там были священники и епископ, которые нуждались в дьяконе. Таким образом, одного из учащихся, у которого было духовное призвание, традиционно рукополагали в дьяконы. В тот год, когда я был рукоположен в дьяконы, ни на четвертом, ни на третьем курсе желающих стать дьяконом не нашлось. Так очередь дошла до меня, т.к. епископ Кассиан, рукоположивший меня в дьяконы, знал, что я хочу стать священником и поступил в Сен-Серж не только для того, чтобы изучать богословие. Я заявил об этом с самого начала. Так что он обратился ко мне. Я сказал: «Владыка, я не имею права быть посвященным в дьяконы, потому что, согласно канону, еще не достиг требуемого возраста». Канонический возраст составлял 25 лет, мне же тогда еще не исполнилось и 23-х. Он ответил: «Каноны – это каноны, а епископ – это епископ: он решает». Таким образом, меня на время учебы рукоположили в сан дьякона Свято-Сергиевского православного богословского института.

Это наложило на Вас дополнительные обязанности по сравнению с другими студентами?

Прежде всего, это добавило конкуренции в отношении между митрополитом Греческой архиепископии и Русской архиепископией. В Париже была русская архиепископия, которая зависела от Константинополя: Русская православная церковь в изгнании, и Сен-Серж был частью ее структуры. Преподаватели Сен-Серж хотели, чтобы я стал преподавателем в Сен-Серж, но греческий митрополит Мелетий сказал: «Нет. Мне самому он нужен. Все надеялись на меня. Думаю, что рассматривались и другие кандидатуры, но могу говорить только за себя. В любом случае, от всего этого мне было не по себе.

Вскоре после того, как я начал учиться в Париже, я пошел к митрополиту Мелетию и сказал, что хочу стать священником, – и его ответ был таким: «В каком смысле ты хочешь стать священником? Ты не знаешь, что это значит. Ты хочешь невозможного!» Таким был мой первый контакт с ним. На рабочем столе митрополита стояла статуя Христа, несущего крест. Он указал на нее и сказал: «Ты видишь этого Христа? Твоя жизнь будет такой же». Это меня разозлило. Я ожидал, что он скажет мне:

«Браво, здорово!» Я вышел из кабинета и подумал, что больше не хочу его видеть. Я вернулся в Сен-Серж.

Другие греческие студенты, которых было много в то время, каждое воскресенье ходили на литургию в Греческий собор. Я не пошел, и митрополит спросил у других, что со мной не так. Он был достаточно умен, чтобы понять, что я на него был сильно зол.

В то время я был очень беден. У меня совсем не было денег, т.к. я не получал никакой помощи от родителей; у них просто не было возможности помогать мне, а моя стипендия составляла всего 30 французских франков. После того, как я купил самое необходимое, у меня ничего не осталось. Так что я жил только за счет питания, которым студентов обеспечивал институт. Моя обувь была дырявая, и когда шел дождь, я заталкивал в нее куски картона, чтобы не промочить ноги. Просто такое было время. А затем Мелетий послал всем студентам Сен-Сержа по 50 франков на Рождество. Я, как и другие, получил эти деньги и подумал: «Это невозможно! Этот епископ так плохо со мной обошелся, что я видеть его не хочу, а он присылает мне деньги, как и всем другим. Интересно, почему он так поступает?» Я подумал и понял, что он хочет преподавать мне урок. Я заявил ему, что хочу стать священником, что не женюсь, – а когда такие вещи говорят в 21 год, у епископа есть основания сомневаться в серьезности намерений. И я понял, что он повел себя как педагог. После этого я купил себе пару туфель, пошел к нему и извинился.

Вспоминаю один забавный эпизод того времени, когда я был дьяконом в Сен-Серж. Во время пасхальной литургии в семинарии использовали огромный 5-литровый потир, наполненный вином, а также Евангелие весом почти в 20 килограмм. Я был не в силах поднять это Евангелие, не то чтобы его удержать. Для этого потребовался бы дьякон сильнее меня и побольше ростом – эдак с метр восемьдесят. Я сказал, что не могу поднять это Евангелие, чем вызвал ужасный скандал; но в конце концов поняли, что я действительно не в силах это сделать. Потир же надо было выпить весь до конца. Литургия закончилась, все священники ушли, а я был единственным дьяконом. Под церковью была столовая, все пошли туда, а мне наказали выпить все вино из потира. Литургия закончилась примерно в четыре утра; я сел в кресло перед проскомидией на стул и начал пить вино из потира. На это у меня ушло два часа, – по прошествии которых я даже не мог найти

дверь, чтобы выйти. Я был так пьян, что не смог выйти из церкви. Этот случай я хорошо помню до сих пор.

И еще один случай: я тогда учился на четвертом курсе, но митрополит Мелетий был очень требовательным и как-то сказал: «Учеба на этом закончена. Ты мне нужен в соборе как дьякон». О том, чтобы перечить, не было и речи, – и я подчинился. Он запретил мне посещать лекции в Сен-Серж. Сен-Серж отреагировал на это очень болезненно. Два года митрополит не давал мне делать там практически ничего, а через два года сказал: «Я даю тебе месяц на то, чтобы сдать все экзамены». Так что я сдал 18 экзаменов за месяц и получил диплом. Но эти 18 экзаменов за месяц чуть не свели меня с ума. Я больше никогда не смог бы совершить что-то подобное. Помню экзамен по истории Западной церкви профессора Евдокимова. 2000 страниц за ночь (!) – и на экзамен! Конечно, не могло быть и речи о деталях, но, по крайней мере, я помнил деление на главы. Он задал мне какой-то трудный вопрос, и я, конечно, не смог бы на него ответить. Тогда я спросил: «Профессор, прежде чем ответить на вопрос, разрешите мне дать Вам обзор эпохи, в которую произошло это событие», – и начал излагать. Профессор послушал и сказал: «Достаточно. Максимальный балл». Так началась моя экзаменационная сессия. Когда же другие преподаватели видели, что Евдокимов поставил мне такую оценку, они считали себя обязанными поставить мне балл не ниже, – и таким образом я и сдавал экзамены. Был там, например, отец Борис Бобринский, ныне покойный. Так как один преподаватель вел несколько различных дисциплин, ранее я уже сдавал ему экзамены. Я пришел к нему, и он мне сказал: «Удовлетворительно». Я возразил: «Об этом не может быть и речи, – «отлично!». Он в ответ: «В каком смысле отлично?» Я: «Возьмите мою зачетку и посмотрите, – экзамен, который я Вам сегодня сдал, уже сдан на «отлично». Он посмотрел и должен был признать, что да, действительно «отлично», и снова поставил мне «отлично». Наконец, настало время экзамена по истории Русской церкви, которую я совсем не знал. К тому же я, как говорится, уже дошел до ручки. Преподаватель задает мне первый вопрос, и я отвечаю: «А Вы, профессор, как бы Вы на него ответили?» Он отвечает и задает мне следующий вопрос, – история повторяется. Третий... – то же самое. Затем профессор меня спрашивает: «Послушайте, кто здесь сдает экзамен, – я или Вы?» Я в ответ: «Конечно я, но я так устал, что уже не знаю ничего». – «По-

18-летний Христинис Хараламбидес с соучениками в Букаву в 1959 г.

Футбольная команда школы 1959 г. Христинис в первом ряду первый справа.

чему?» – и я прошу его посмотреть мою зачетную книжку. «Хорошо, поставлю я Вам хорошую оценку, потому что на самом деле Вы хороший студент». Наконец, остался еще один преподаватель – известный философ Лев Зандер. У него был такой девиз: «У меня ни один студент не сможет списать. Если студент все же спишет, я поставлю ему высший балл». На самом деле я знал его предмет, но решил – будь что будет, попробую. Приходим мы на экзамен, рассаживаемся за столами, и я выкладываю на стол все материалы. Он задает мне вопрос. «Минутку», – отвечаю я, просматриваю свои записи, затем отвечаю. И так это продолжается до тех пор, пока он не сказал: «Хорошо, ставлю Вам 9 из 10». Я ему в ответ: «Нет, 10/10». «В каком смысле?» – «10/10, потому что я отвечал по шпаргалке». «Это невозможно!» – «Посмотрите сами, – все шпаргалки разложены передо мной на столе». Он поставил мне 10. Вот такой вот анекдот!

Вообще-то, в Сен-Серж не все шло столь гладко, – они обошлись со мной несправедливо. Как-то прислали мне из Сен-Серж письмо, в котором уведомили, что я вычеркнут из списка студентов. Я точно не знаю, что было дальше, но митрополит, по всей видимости, обратился к ним и заявил, что так дело не пойдет, что я должен получить диплом, – и мне разрешили посещать лекции. В конце концов, в 1965 году мне удалось закончить учебу. Кроме того, в 1964 году я поступил на специальный курс Сорбоннского университета, посвященный сирийскому монашеству. Я хотел написать на эту тему свою докторскую диссертацию. Первый год я учился в Сорбонне параллельно с Сен-Серж. Лекции в Сен-Серж читали с восьми утра до трех часов дня, а в Сорбонне они начинались с шести вечера.

Расскажите о своих отношениях с сестрой и братом.

Когда мы были детьми, мои брат и сестра не были прилежными учениками. Я же, в отличие от них, был отличником. В наших играх я всегда был учителем. Я играл дома в школу, – и это им совсем не нравилось. Они вдвоем всегда выступали против меня. Однако мы очень любили друг друга; особенно хорошие отношения у меня были с братом. Брат в настоящее время живет в Лилле, а сестра – в Тулузе. Мы встречаемся; с братом я общаюсь более тесно. Раз в год, когда я приезжаю в Монпелье, всегда захожу его проведать. С сестрой дела обстоят сложнее: она живет на севере Франции, куда я не езжу. У нас хорошие отношения, мы очень сплоченная семья. Единственное, что нас разделяет, так это то, что я считался в семье, так сказать, интеллектуалом, а сестра и брат были, если можно так выразиться, антиинтеллектуалами, и объединились против меня.

Они не учились в университете?

Сестра не училась. Она выучилась на секретаршу и была очень увлечена музыкой, – обучалась игре на фортепиано. Брат изучал в высшей школе связи предприятия с общественностью, и преуспел на этом поприще. И сестра, и брат в настоящее время на пенсии. Они оба учились в Бельгии, и мать тоже проживала там в то время. После учебы все они переехали во Францию; сестра вышла замуж за француза, а брат женился на работавшей во Франции англичанке; так что, в конечном счете, она также осталась жить во Франции. У сестры и брата есть дети; детей сестры я не очень хорошо знаю, но мои племянник и племянница по линии брата очень славные, и мы поддерживаем близкие отношения.

В каком году ваш отец приехал в Париж?

Это было или в 1968, или в 1969 году. Я был тогда дьяконом и уже закончил учебу в Сен-Серж. Он довольно долго

прожил во Франции. Отцу было 85 лет, когда он умер. Когда отца привезли в Париж, мать была заведующей домом престарелых. По прибытии отца прооперировали, а когда он выздоровел, взял управление домом престарелых на себя, а моя мать поехала со мной на юг Франции – в Ниццу и Марсель. Иногда она, конечно, навещала отца в Париже, но большую часть времени он был со мной.

Какие у вас были отношения с матерью?

После рукоположения в дьяконы моя мать стала очень верующей и оставалась таковой до самой смерти. Мать умерла в возрасте 85 лет, – так же, как и отец. Она была на пять лет моложе его. В возрасте 83 лет с мамой произошел несчастный случай, и последние годы своей жизни она провела в одном из наших монастырей на юге Франции. Когда я был в Монпелье, то всегда навещал ее. Помню, когда я приехал в Эстонию, отец Маттиас сообщил мне, что позвонили из Франции и сказали, что моя мать умерла. Мои родители похоронены вместе, на кладбище городка Виллардонель неподалеку от Гренобля. Это небольшое и очень красивое кладбище, и я думаю, что они там счастливы вместе. Там же находится один из наших монастырей – *Notre-Dame du Buisson Ardent*. Это один из монастырей, которые я защищал и поддерживал, когда служил на юге Франции. С монастырем я до сих пор поддерживаю очень теплые и близкие отношения. Они надеялись, что когда я уйду на пенсию, то буду у них священником. Иногда я действительно чувствую такое искушение, но знаю, что это невозможно, – слишком много дел еще предстоит сделать.

(Продолжается)

Святой Климент Римский

Имеется мало достоверных исторических данных о жизни святителя Климента. С уверенностью можно сказать лишь то, что он был епископом Рима, и что его послание, адресованное христианской церкви в Коринфе, является подлинным и, вероятно, было отправлено в 96 г. Авторство второго послания уже не столь очевидно. В любом случае, оба послания являются древними и авторитетными: в некоторых рукописных Библиях они включены в книги Священного Писания. Кроме того, есть сочинения, приписываемые святому Клименту, но они явно не подлинные.

Поводом для написания послания Коринфянам послужили противоречия, возникшие в их церкви (в этом нет ничего нового, — то же самое происходило и во времена апостола Павла). По всей видимости, некоторые из молодых членов церкви выступили против пресвитеров, безупречно исполнявших свои должностные обязанности. Противоречия казались скорее личными, чем богословскими, принципиальными. Святой Климент укоряет коринфян и призывает их к миру, приводя множество примеров из Ветхого Завета и учения Христа.

Согласно традиционной биографии, Климент по происхождению был римлянином, и в молодости ему довелось слушать проповеди самих апостолов. Сомнительно, является ли он тем самым Климентом, о котором говорит апостол Павел в послании к Филиппийцам (4:3). В своей подвижнической работе проповедника Климент стремился следовать за Святым Петром. Климент был смиренным и тихим, хорошо знал Священное Писание, а также греческую мудрость. Он обратил к Христу многих язычников, а также евреев. После обращения им знатной женщины по

имени Теодора и ряда других римлян на него донесли, и император Траян сослал его на каторжные работы в восточную часть империи, — на полуостров Тавриду (современный Крым). Будучи там в трудных обстоятельствах, Климент утешал товарищей по каторге и своими молитвами отворил им бьющий из-под земли чистый источник. В результате этого и прочих чудес и проповедей большое количество каторжан из числа язычников обратились в христианство. Но Клименту не позволили заниматься этим сколь-нибудь долго: его замучили и утопили в море, привязав к якорю. Однако море отступило настолько, что его тело, лежащее примерно в 300 метрах от берега, показалось после мученической смерти, и впоследствии ежегодно показывалось в то же время. Затем его мощи были перевезены в Константинополь, а оттуда в Рим; более мелкие фрагменты его мощей хранятся также в иных местах. День памяти святителя Климента отмечается в православной церкви 24 или 25 ноября; на западе — 23 ноября.

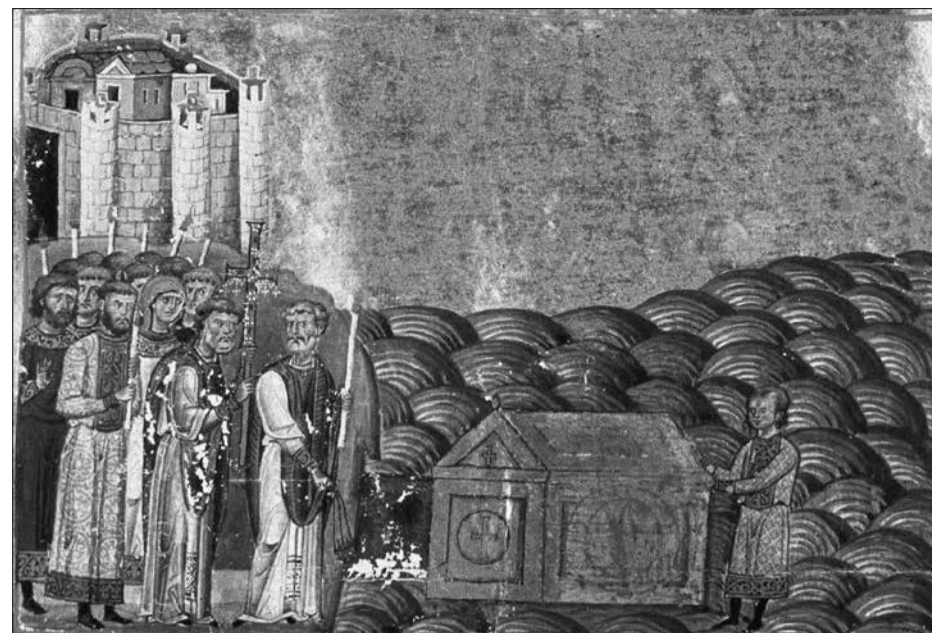
Далее приводим некоторые выдержки из его первого послания. Мы выбрали отрывки, в которых рассматриваются не только вышеупомянутые противоречия в Коринфе. Встречающийся местами буквализм и особенности перевода требуют углубленного прочтения.

*

Рассмотрим, возлюбленные, как Господь постоянно показывает нам будущее воскресение, коего начатком соделал Господа Иисуса Христа, воскресив Его от мертвых. Посмотрим, возлюбленные, на воскресение, совершающееся во всякое время. День и ночь представляют нам воскресение: ночь отходит ко сну, — встает день; проходит день, — настает ночь. Посмотрим на плоды земные, каким образом происходит сеяние зерен. Вышел сеятель, бросил их в землю, и брошенные семена, который упали на землю сухие и голые, сгнивают: но после из этого разрушения великая сила Промысла Господня воскрешает их, и из одного зерна возвращает многие и производит плод. XXIV, 1-5

В этой надежде да прилепятся души наши к Тому, Кто верен в обещаниях и праведен в судах Своих. Итак, да воспламенится в нас вера Его, и будем помышлять, что все близко к Нему. XXVII, 1,3

Итак, будучи уделом Святого, будем делать все относящееся к святости, убогая злословия, нечистых и порочных свя-

зей, пьянства, страсти к нововведениям, низких похотей, скверного прелюбодеяния и гнусной гордости. Ибо говорится: Бог гордым противится, смиренным же дает благодать (Прит.3:34). Итак, присоединимся к тем, которым дана от Бога благодать. Облечемся в единомыслие, будем смиренны, воздержны, далеки от всякой клеветы и злоречия, оправдывая себя делами, а не словами. XXX, 1-3

Как блаженны и чудны дары Божии, возлюбленные, Жизнь в бессмертии, сияние в правде, истина в свободе, вера в уповании, воздержание в святости: все это доступно нашему разумению. Какие же дары еще уготовляются ждущим? Творец и Отец веков, Всесвятой, Он Сам знает их величие и красоту. Итак, употребим все усилия быть в числе уповающих на Него, чтобы участвовать в обетованных дарах. Каким же образом это будет, возлюбленные? Если ум наш будет утвержен в вере в Бога; если будем искать того, что Ему угодно и приятно; если будем исполнять то, что согласно с Его святою волею, и ходить путем истины, отвергнув от себя всякую неправду и беззаконие, любостяжание, распри, злонравие и коварство, клеветы и злословие, нечестие, гордость и величавость, тщеславие и негостеприимность. XXXV, 1-5

Так пусть будет здраво и все тело наше во Иисусе Христе, и каждый повинуется ближнему своему сообразно с степенью, на которой он поставлен дарованием Его. Сильный не пренебрегай слабого, и слабый почитай сильного; богатый подавай бедному, и бедный благодари Бога, что Он Даровал ему, чрез кого может быть восполнена его скудость. Мудрый показывай мудрость свою не в словах, но в добрых делах. Смиренный не сам о себе свидетельствуй, но предоставляя другому дать о тебе свидетельство. Чистый по плоти... и не превозносись, зная, что есть другой, дарующий ему воздержание. XXXVIII 1-2

Кто имеет любовь во Христе, тот должен соблюдать заповеди Христовы. Кто может изъяснить союз любви Божией? Кто способен, как должно, высказать величие благодати Его? Несказанна высота, на которую возводить любовь. Любовь соединяет нас с Богом; любовь покрывает множество грехов, любовь все принимает, все терпит великодушно. В любви нет ничего низкого, ничего надменного, любовь не допускает разделения, любовь не заводит возмущения, любовь все делает в согласии, любовью все избранные Божии достигли совершенства, без любви нет ничего благоугодного Богу. По любви воспринял нас Господь; по любви, которую имел к нам Иисус Христос, Господь наш, по воле Божией дал кровь Свою за нас, и плоть Свою за плоть нашу, и душу Свою за души наши. XLIX, 1-3, 5-6

Видите ли, возлюбленные, как велика и дивна любовь, и невыразимо ее совершенство. Кто может иметь ее, если кого Сам Бог не удостоит? Итак, будем просить и умолять Его милосердие, чтобы жить нам в любви непорочно, без человеческого разделения. Блаженны мы, возлюбленные, если исполняем заповеди Божии в единомыслии любви, дабы чрез любовь были прощены нам грехи наши. L, 1-2, 5

Итак, будем повиноваться вседневному и славному имени Его, избегая прореченных Премудростью угроз непокорным, дабы обитать уверенно в пресвятом имени величия Его. Ибо жив Бог и жив Господь Иисус Христос и Дух Святой, вера и надежда избранных, так что выполнивший в смиренномудрии, с непрестанной кротостью, Богом данные заповеди и повеления, не раскаиваясь в этом, — сей поставится и изберется в число спасающихся чрез Иисуса Христа, чрез Которого Ему слава во веки веков. Аминь. LVIII, 1-2

Ainus juhtlõng oli nimi ikoonil: Irene. Kodus guugeldades leidsin sarnase kujutise koos püha Irene Chrysovalantou elulooga. Üheksandal sajandil elanud kloostrilema elust oli lugeda palju. Eriti kõnetas järgmine lugu:

„Ühel ööl märkas üks nunn püha Irenet kloostri välimises aias palvetamas. Auväärse ema jalad ei puudutanud maad, vaid ta seisis paari meetri kõrgusel õhus. Tema lähedal kasvas kaks pikka küpressi ja kuni auline pühak palvetas, painutasid küpressid oma latvu maa poole. Kui püha Irene palved lõpetas, puudutas ta puid, õnistas ristimärgiga ning ladvad kerkisid tagasi tavalisse asendisse.

Puude seitsis palvetaja

Piret Riim

Mõni aasta tagasi jäi mulle pühade Siimeoni ja Hanna kiriku poekeses silma väheldane ikoon, millel nunnarüüis naine ja tema poole painduva ladvaga küpress, valge rätikuga tipus. Taamal kloostrimüür ja taevas Jumala ingel. Ikoon oli ülejäänutest sootuks erinevas stiilis ja teistmoodi pakitud. Paistis, nagu oleks keegi eraisik ta siia müügile toonud.

Palusin lähemalt näha. Kujutis lihtsalt lummas, jäin pikalt vaatama ning ostsin ära. Müüja ei teadnud, kellega pühapildil tegu.

Nunn jälgis hämmastavat sündmust suure aukartusega kolm tundi. Ta läks ja heitis pilgu koguni abtissi kambrisse, tahtes saada kinnitust, et ta ei näe und. Aga uni see ei olnud ning kohkunud nunn ei julgenud sündmusest kellelegi rääkida.

Mõne päeva pärast märkasid teised nunnad küpresside latvades taskurätikuid. Sinna oli auline ema need sidunud Jumala auks, kui puud teda nii palju kordi kummardanud olid. Hämmastunud pühad õed hakkasid omavahel arutama, et miks ja kuidas need rätikud küll kõrgete puude otsa said. Ime tunnustajaks olnud nunn jutustas nüüd teistele, kuidas küpressid end abtissi palve

ajal maa poole painutasid. Seda kuuldes tulid nunnadel rõõmupisarad silma ja nad heitsid pealtnägijale ette, miks ta neidki ime tunnustamiseks üles ei äratanud.

Kui püha Irene sai teada, et üks nunnadest on temaga seotud vägeva tunnustähe avalikuks teinud, reageeris ta järsult. Kutsunud nunna enda juurde, küsis ta: „Kui sa näed mind pattu langemas – inimene nagu ma olen –, kas sa räägid ka siis kõigile, millega ma hakkama sain?” Seejärel hoiatas auline ema teda ja teisi nunnasid, et kui nad veel peaksid mõne ime tema elu ajal avalikustama, saavad nad karmilt karistada. Õed nägidki püha ema elu ajal veel lugematuid tunnustähti, aga karistuse hirmus ei kõnelnud neist kellelegi.”

See lugu kinnitas, et järelikult on ka meie kirikut ümbritsev kolmeteistkümne puuga rohtaed Jumala silmis väärtuslik. Loetu inustas tugeva tuulega langenud oksiku korjama ning sügise saabudes tasapisi lehti riisuma. Ju polnud asi ainult selles, et linnasüdames paikneva kiriku ümbrus võiks korralik välja näha – püha inimene, näe, hindas puid sedavõrd, et jagas koos nendega palvehetki! Aias askeldamine on pakkunud head liikumisvõimalust, üllatavat rahu suure liiklussõlme kõrval ja lihtsate taimede ilu avastamist. Mis kõige olulisem: on õpetanud arvestama loodus-

Foto: Inga Heamägi 2017

seadustega – et inimesel pole tõesti mõistlik kõike omatahtsi korraldada.

Viimaks meenus, kust oli Irene nimi juba ammu tuttav. Juba aastaid olin aeg-ajalt mõttes lausunud: Irene. Ning seisatunud keset argipäeva, otsekui hea tuttavaga kohtudes. Aga näha polnud kunagi kedagi ja mõne hetkega oli „kohtumine” selleks korraks jälle ununenud. Aitäh, püha Irene, nüüd kõige hoidmise, juhatuse ja abi eest. Ning tänu sullegi, tundmatu heategija, kes sa ikooni poodi müügile töid!

Koorijuht Terje Palli, metropoliit Stefanus ja isa Mattias Palli 26. septembril 2021 püha Siimeoni ja naisprohvet Hanna katedraalkirikus Tallinnas pärast Jaakobuse liturgiat.

Terje koos püha Siimeoni ja naisprohvet Hanna kooriga.

Fotod: Inga Heamägi ja Andrus Noorhanti

Piiskop Platoni ordeni saajad

Tänavu pälvisid piiskop Platoni ordeni III järgu EAÕK Luhamaa Pühavaimu kiriku koguduseelu edendaja **Volli Kera**, Reomäe Püha Eelkäija Skiita toetaja **John Lundqvist**, Angerja koguduse kauaaegse sõbra ja toetaja ülempreester **Kalevi Kasala** ja koorijuht **Terje Palli**.

26. septembril andis metropoliit Stefanus püha piiskop Platoni aumärgi kandmise õiguse Tallinna püha Siimeoni ja naisprohvet Hanna katedraali koorijuhile Terje Pallile. Terje Palli on juhatanud Siimeoni kiriku koori kiriku taasavamisest peale, lisaks on ta juhatanud laulu Angerja ja aeg-ajalt ka mõnes teises meie pühakojas ning Tartu pühade Aleksandrite koori kontserte eri paigus.

Ordni andmisel pidas valitseja järgmise tervituskõne:

Kallis Terje!

Soovin Sind omal viisil soojalt tänada kõige vaevanagemise ja abi eest meie kiriku heaks. Eriti selle töö eest, mida Sa oled teinud, et kirikulaul muutuks kestvaks palveks. Just seepärast me kirikus laulamegi. Soovime seda tänu väljendada, andes Sulle püha piiskop Platoni ordeni. Loodan, et see teenetemärk annab Sulle jõudu ja jaksu olla jätkuvalt meie kirikus kohal, et iga kirikuliige saaks kogeda kirikulaulu reaalsust ja olla pidevas ühenduses meie Issandaga.

Minu parimad soovid Sulle ja Sinu perele, head tervist teile kõigile.

† Stefanus, Tallinna ja kogu Eesti metropoliit